

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-1-119-152

К ИСТОРИИ ПЕРВОЙ НАУЧНОЙ ПУБЛИКАЦИИ ПОЭТИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ А. А. АХМАТОВОЙ. ПИСЬМА В. М. ЖИРМУНСКОГО Л. К. ЧУКОВСКОЙ 1966–1970 ГОДОВ

(ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ, ПОДГОТОВКА ТЕКСТА И КОММЕНТАРИИ
© В. В. АСТВАЦАТУРОВОЙ)

В 1966 году, вскоре после смерти А. А. Ахматовой, была создана Комиссия по ее наследию. Председателем Комиссии был назначен поэт А. А. Сурков. В Комиссию вошли писатели, литературные критики и литературоведы, некоторые друзья и близкие Ахматовой. Были приняты решения по увековечению памяти поэтессы, в том числе по изданию ее произведений. В частности, было решено издать Собрание стихотворений Ахматовой в Большой серии «Библиотеки поэта» издательства «Советский писатель». Подготовку книги, составление научного аппарата и вступительную статью было поручено делать академику В. М. Жирмунскому.

В числе других в Комиссию была включена Л. К. Чуковская. Нет необходимости напоминать, что оба корреспондента были в свое время близко дружны с Ахматовой, прекрасно знали по памяти многие ее стихи, в том числе к тому времени еще не изданные; у каждого из них хранились авторизованные списки ее стихов, подаренные автором. Они также были много лет знакомы друг с другом; кроме того, Жирмунский еще с 1920-х годов хорошо знал К. И. Чуковского. Поэтом Виктора Максимовича обращает к Лидии Корнеевне с просьбой о содействии и помощи в работе над подготовкой издания. За те четыре с половиной года (с 1966 по 1970 год), что велась переписка, общая работа над наследием Ахматовой еще более сблизила их.

Вскоре после смерти В. М. Жирмунского (январь 1971 года) вдова ученого Нина Александровна Жирмунская связалась с Лидией Корнеевной, и они обе приняли решение обменяться собраниями писем, что и было сделано. Таким образом, письма Виктора Максимовича вернулись в семейный архив Жирмунских, а письма Лидии Корнеевны — в архив Чуковских.

В домашнем архиве семьи Жирмунских имеются 42 письма В. М. Жирмунского к Л. К. Чуковской. (Письма Л. К. Чуковской находятся в РНБ — Ф. 1414.) Автор настоящей публикации в свое время (март 2007 года) в ходе состоявшейся в Москве научной конференции, посвященной двойному юбилею — 125-летию со дня рождения К. И. Чуковского и 100-летию со дня рождения Л. К. Чуковской — выступал с докладом об этой переписке, где были оглашены фрагменты из некоторых писем, касавшихся текстологической работы над рукописями Ахматовой. Небольшая часть писем Л. К. Чуковской была опубликована в журнале «Знамя» (2007. № 1) ее дочерью и наследницей Е. Ц. Чуковской (также принимавшей участие в конференции и входившей в оргкомитет). Ранее письма Л. К. Чуковской к В. М. Жирмунскому и несколько его ответных писем были опубликованы отдельной книгой, подготовленной Ж. О. Хавкиной, — «Я всем прощенье дарую...» (М.; СПб., 2006). В кулуарах у нас был разговор с Еленой Пезаревской о возможности соединения всех писем для последующей публикации, однако эта идея так и не получила продолжения, а после кончины Е. Ц. Чуковской в 2015 году и вовсе заглохла. Сегодня, на наш взгляд, наступило время восполнить этот пробел, соединить корпус писем и издать книгу с соответствующим научным аппаратом.

Такая книга — дело будущего. А пока для настоящей публикации мы выбрали 15 наиболее интересных писем, содержание которых определяет внутренний «сюжет» публикации. Этот «сюжет» включает несколько тем.

Первая — это, конечно, тонкости текстологической работы над рукописями с целью выявления канонического текста. Прежде всего это касается «Поэмы без героя», к тому времени еще не опубликованной полностью в отечественной печати. Хорошо известно, какое бесконечное число вариантов и редакций поэмы имелось в рукописных и авторизованных машинописных списках, и, естественно, возникали вопросы, что следует включать в основной текст, а что — в варианты. Так, в письме от 20 июля 1968 года Жирмунский пишет: «Я решил собрать целый ряд таких строф, которые А. А., по ее словам, „не пустила“ в поэму, и поместить их в „Дополнения“ к поэме». Жирмунский пишет и о работе по сличению текстов, опубликованных в разных изданиях, причем обращает внимание и на такие, казалось бы, «мелочи» в разночтениях, как знаки препинания. Так, в письме от 7 августа 1967 года, сопоставляя тексты стихотворения «Хочешь знать, как все это было?..» в сборнике «Бег времени» и в первом издании сборника «Вечер», он указывает на одну из строк («Да.» и «Да?»), что полностью меняет смысл стихотворения, и сожалает, что составители парижского издания УМСА-press 1965 года не заметили этого.

В архивах среди неопубликованных произведений Ахматовой, кроме «Поэмы без героя», были еще такие ее поздние произведения, как «Семь элегий» и цикл «Нечет», входивший в сборник «Седьмая книга». Возникал вопрос, в какой сборник должен быть помещен цикл «Нечет», полученный Жирмунским от Г. П. Макогоненко. Обсуждению этого вопроса с аргументацией посвящено, в частности, письмо от 17 апреля 1968 года.

Кроме текстологических проблем, в письмах поднимались и вопросы биографического характера. Сегодня, когда опубликована летопись жизни Анны Андреевны и хорошо изучены годы ее проживания в Фонтанном Доме и в первый период, связанный с ее браком с В. К. Шилейко, и во второй, самый длительный период — совместной жизни с Н. Н. Пуниним, трудно представить себе, что все эти даты нужно было определять и собирать сведения из личных записей Ахматовой, из воспоминаний друзей, а также из воспоминаний самого В. М. Жирмунского, навещавшего В. К. Шилейко в его квартире в Фонтанном Доме в первые послереволюционные годы и встретившего там Анну Андреевну. Проблеме датировки проживания Ахматовой в Фонтанном Доме, а также в Мраморном дворце, куда она переехала вместе с Шилейко, посвящены письма от 30 октября 1967 года и от 14 января 1968 года.

Одновременно с работой Жирмунского над подготовкой к изданию Ахматовой в «Библиотеке поэта» Чуковская начинает готовить издание Ахматовой «Стихи и проза» для Лениздата. В подготовке издания, кроме нее, принимали участие К. И. Чуковский и Э. Г. Герштейн. К середине 1968 года сборник был закончен и сдан в издательство. В июле Жирмунский написал обширную внутреннюю рецензию на книгу (копия рецензии хранится в домашнем архиве семьи Жирмунских). И до и после этой рецензии Жирмунский продолжал обсуждать в переписке с Чуковской текстологические проблемы. В частности, в письме от 8 июля это были вопросы сличения двух редакций «Поэмы без героя». Кроме того, в том же письме он говорит о возмущившем его случае — снятии издательством из стихотворения Ахматовой «Последняя роза» эпиграфа из стихотворения Бродского. Обстоятельства этого события хорошо известны: Бродский, не так давно вернувшийся из ссылки, считался «полуопальным», и редакторы опасались вставлять эпиграфы из его неопубликованных стихов. Жирмунский подробно пишет, как

звонил в редакцию, спорил с редактором, обращался к различным авторитетным лицам, просил Чуковскую обратиться за помощью к Корнею Ивановичу. Но вся история с изданием Ахматовой в Лениздате закончилась довольно печально: книгу отклонили, несмотря на хвалебную рецензию Жирмунского, она увидела свет только в 1976 году. К этому времени Жирмунского уже давно не было в живых, а сама Чуковская попала в опалу, была исключена из Союза советских писателей, и ее имя не было включено в число готовивших книгу.

И еще одна тема составляет содержание переписки — это судьба архива поэтессы. Как известно, после смерти Ахматовой между ее наследниками возникла тяжба за право обладать архивом. По решению суда, законным наследником был признан Л. Н. Гумилев, который еще раньше принял решение отдать архив матери в дар Пушкинскому Дому. Но ко времени решения суда И. Н. Пунина, падчерица Ахматовой, жившая вместе с ней последние годы, успела продать архив частично в Москву, в Центральный государственный архив литературы и искусства (ныне — Российский государственный архив литературы и искусства), частично в Ленинград, в Государственную Публичную библиотеку им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ныне — Российская национальная библиотека). Все перипетии этой тяжбы также нашли отражение в переписке, но в настоящей публикации эта тема затронута минимально.

Мы назвали переписку «сюжетом» еще и потому, что это не просто письма, расположенные в хронологическом порядке, но имеющие историю со своим развитием. Первое письмо Жирмунского (от 18 июля 1966 года) пронизано настроением энтузиазма. «„Библиотека поэта“ поручила мне подготовить „Собрание стихотворений Анны Ахматовой“ для Большой серии. <...> Я отношусь к этой работе как к святому долгу и думаю отдать на нее столько времени и сил, сколько потребуется». Однако постепенно времена меняются, меняется и общая ситуация. Сначала — упомянутая выше история с эпиграфом из И. Бродского. Затем — трудности с публикацией некоторых из «Северных элегий». Запрет на публикацию «Реквиема» (Жирмунский несколько раз побывал в Горлите и лично встречался с цензором, которого пытался убедить в пользу публикации «Реквиема» для советской пропаганды перед зарубежным читателем — но тщетно). Кадровые изменения в редколлегии «Библиотеки поэта» (уход с поста главного редактора В. Н. Орлова). И наконец — разгром в 1970 году редакции «Нового мира», возглавляемого А. Т. Твардовским, после чего Жирмунский вынужден был забрать из журнала свою статью «Анна Ахматова и Александр Блок» и передать ее в журнал Пушкинского Дома «Русская литература». В последнем письме Жирмунского (от 27 декабря 1970 года) звучат грустные ноты: «Работа моя над Стихотворениями Ахматовой была прервана болезнью, но еще больше — отсутствием ясной перспективы вообще и в частности руководства в издательстве (после ухода В. Н. Орлова). По-моему, спешить некуда». После этого письма Жирмунскому оставалось жить чуть более месяца.

Книга «Стихотворения и поэмы» Анны Ахматовой в серии «Библиотека поэта» вышла в свет в издательстве «Советский писатель» (Ленинградское отделение) в 1976 году, т. е. только через пять лет после смерти Жирмунского. Заканчивала работу над этим томом уже вдова ученого Нина Александровна Жирмунская, но составление, подготовка текста и примечания были сделаны Виктором Максимовичем. Что касается вступительной статьи, то, поскольку ее объем сильно превысил лимит, было решено не сокращать текст, а издать отдельной книгой под названием «Творчество Анны Ахматовой» (Л.: Наука, 1973). Вступительную статью для нее написал А. А. Сурков.

1

Комарово, 18.VII.1966.

Дорогая Лидия Корнеевна!

Пишу Вам, как старому другу А. А. Ахматовой, в надежде на совет и помощь.

1) «Библиотека поэта» поручила мне подготовить «Собрание стихотворений Анны Ахматовой» для Большой серии. По плану книга должна выйти в свет в 1968 г. и быть сдана мною в конце 1967 г.¹ Я отношусь к этой работе как к святому долгу и думаю отдать на нее столько времени и сил, сколько потребуется. Посоветовавшись с В. Н. Орловым² (к сожалению, он, по-видимому, покидает место руководителя «Библиотеки»), мы решили, что это будет в принципе *полное собрание* стихотворений (в пределах достижимого), со всеми существенными вариантами — «научное» по своей подготовке и по аппарату. Таким я буду его готовить: выбросить то или иное всегда будет возможно — в соответствии с условиями 1968 г.

Полное собрание — это значит: 1) все, что вошло в сборники; 2) все, что печаталось, но в сборники не вошло; 3) все *непечатанное* — по мере достижимости.

В отношении последнего в особенности я хотел бы обратиться к Вам за помощью. По слухам, Вы многое записывали, переписывали, получали в дар от АА. Я хотел бы узнать, что Вы могли бы предоставить мне для этого издания, разумеется, в копиях. Я думаю, что речь может идти не только о новых стихотворениях, но об интересных вариантах, уже известных. Если Вы захотите мне помочь, я с удовольствием приеду в Москву, чтобы поговорить с Вами лично. Но раньше я хотел бы получить от Вас принципиальный ответ, т<ак> к<ак> слухам не всегда можно верить.

2) Вы член Комиссии по наследию АА и, вероятно, уже слышали о положении дел, хотя не были в Ленинграде на заседании. Основная часть архива АА находится в Ленинграде на ее квартире, в фактическом владении И. Н. Пуниной.³ Л. Н. Гумилев *подарил* этот архив (в письменной форме) Пушкинскому Дому («уступил свои права») и заключил с П<ушкинским> Д<омом> соответствующее письменное соглашение. Я был в П<ушкинском> Д<оме> и беседовал с директором Архива Н. В. Измайловым (известным старым пушкинистом и «пушкинодомцем»)⁴ Н<иколай> В<асильевич> сообщил мне, что для принятия архива АА. он выделил опытную сотрудницу (Панченко⁵ — я с нею познакомился), которая готова сегодня же приступить к составлению описи для передачи архива. Об этом он официально известил И. Н. Пунину. Но И<рина> Н<иколаевна> не считает возможным передать архив теперь же. Не далее как третьего дня, как представитель нашей Комиссии, я имел с ней длинный разговор. И<рина> Н<иколаевна> выдвигает ряд причин: нет оснований торопиться с передачей, права наследников будут установлены юридически только в сентябре (через 6 месяцев после смерти); П<ушкинский> Д<ом> — место неподходящее, предпочтительнее Ленингр<адская> Публичн<ая> Библиотека (первоначальный вариант) или Московский Литературный Архив⁶ (основ<анный> Бонч-Бруевичем) (по этому вопросу И<рина> Н<иколаевна> ссылается и на вашу точку зрения, но мы, ленинградцы, считали бы неправильным переводить архив в Москву и думаем, что это не соответствовало бы желанию самой АА); надо сперва И<рине> Н<иколаевне> и Ане⁷ самим разобраться в материалах и привести их в порядок, и т. д., и т. п. Одним словом, я вынес впечатление, подтвержденное словами И<рины> Н<иколаевны>, что в настоящее время ни о какой передаче в государственное хранилище речи не может быть.

И<рине> Н<иколаевне> известны толки, которые возбуждает ее позиция; но, считая их несправедливыми, она ими пренебрегает. Она предлагает отложить дело до следующего заседания комиссии — осенью.

Мне придется написать об этом А. А. Суркову,⁸ поскольку комиссия возложила на меня нелегкую обязанность наблюдать за передачей архива, но я боюсь, что и Сурков здесь ничего не сделает. Мог бы, конечно, вмешаться в это дело Лева,⁹ но он очень трудный человек, и я не имею ключа к его сердцу.

Пишу Вам об этом, чтобы Вы знали, а может быть, и посоветовали. Буду рад Вашему письму. Поделитесь, пожалуйста, содержанием того, что я пишу, с М. С. Петровых,¹⁰ если Вы с ней встречаетесь.

Дружески Ваш В. Жирмунский

¹ Книга вышла в 1976 году: *Ахматова А.* Стихотворения и поэмы / Вступ. статья А. А. Суркова; сост., подг. текста и прим. В. М. Жирмунского. Л., 1976 (Библиотека поэта. Большая сер.). Далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно, с указанием номера страницы.

² Орлов Владимир Николаевич (1908–1985) — литературовед, критик, специалист по поэзии начала XX века. В 1956–1970 годах занимал должность главного редактора серии «Библиотека поэта» (издательство «Советский писатель»).

³ Пунина Ирина Николаевна (1921–2003) — искусствовед; дочь Н. Н. Пунина (1888–1953), историка искусства. Ахматова была замужем за Пуниным и много лет прожила с ним в Фонтанном Доме, в квартире во флигеле Шереметевского дворца. И. Н. Пунина тоже жила там. После смерти Н. Н. Пунина Ахматова продолжала жить вместе с И. Н. Пуниной и ее дочерью А. Г. Каминской, последний адрес — ул. Ленина, д. 34 (квартира, полученная от Литфонда). После ее смерти И. Н. Пунина и А. Г. Каминская продолжали жить в этой квартире, архив Ахматовой оставался там же.

⁴ Измайлов Николай Васильевич (1893–1981) — литературовед, текстолог, пушкинист. В течение многих лет (с 1957 года) заведовал Рукописным отделом Пушкинского Дома.

⁵ Панченко Нина Тимофеевна (1917–1992) — сотрудница Пушкинского Дома (в Рукописном отделе — с 1959 по 1972 год), мать академика А. М. Панченко.

⁶ Возможно, Жирмунский подразумевает Центральный государственный архив литературы и искусства (ЦГАЛИ, ныне РГАЛИ), первоначальное название «Центральный государственный литературный архив» (ЦГЛА), которое он мог по привычке употребить в частном письме. Рекомендую передать архив именно в это хранилище, И. Н. Пунина (по воспоминаниям А. Г. Каминской) ссылалась на события довоенного времени, когда Ахматова «продала некоторые архивные материалы В. Д. Бонч-Бруевичу в Литературный музей в Москве. В 1941 году часть его коллекции была включена во вновь созданный тогда ЦГАЛИ» (см.: *Каминская А. Г.* О завещании А. А. Ахматовой // *Звезда*. 2005. № 5. С. 190–203).

⁷ Каминская Анна Генриховна (1939–2022) — дочь И. Н. Пуниной, искусствовед.

⁸ Поэт Алексей Александрович Сурков (1899–1983) возглавлял Комиссию по наследию Ахматовой.

⁹ Имеется в виду Лев Николаевич Гумилев.

¹⁰ Петровых Мария Сергеевна (1908–1970) — поэтесса, переводчица; общалась с Ахматовой с 1930-х годов.

Дорогая Лидия Корнеевна!

Получил Ваше письмо от 30.VII. Пока у меня нет ничего нового, кроме того, что я уже сообщил. Дело будет, по-видимому, слушаться в середине сентября.¹ Вы получите запрос, как я уже писал.

Я чувствую себя довольно неважно, по-видимому, из-за сердечного давления, но продолжаю работать над Собранием стихотворений. Это очень интересно, в особенности сличение с ранними вариантами, еще не отшлифованными

окончательно. Иногда имеют значение и знаки препинания. Например, в «Беге времени» и во всех предшествующих изданиях, кроме первого, стихотворение <орение> «Хочешь знать, как все это было?» (Бег Времени, стр. 23) заканчивается

...Я люблю вас, я вас любила
Еще тогда!» —
«Да».

А в «Вечере» (т. е. в первом издании) оно читалось:

«Да?!»...

Ведь это имело почти обратный смысл! Глеб² этого и многого другого не заметил. Если нам позволят, у нас будет гораздо больше интересных вариантов и больше ссылок на периодические издания, где стихотворение увидело свет.

Несколько слов об американском издании. В нем я открыл удивительную вещь. Очень часто редактор упоминает о том, что такое-то стихотворение из «Белой Стаи» перенесено было автором в «Стихотворениях» ГИХЛ 1961 в раздел «Четки» или «Подорожник» по хронологическому принципу. Ср., например, на стр. 384 комментария: «Как страшно изменилось тело», «Вместо мудрости — опытность», «Я там молилась: „Утоли...“», «Твой белый дом и наш сад оставляю...» и ряд других. Действительно, в Сборнике 1961 («Лягушке»³) А.А. несколько раз применяла такую перестановку по хронологическому принципу. Однако странным является то обстоятельство, что перечисленные стихотворения в сборнике 1961 г. вообще отсутствуют. Конечно, редактор американского издания допустил ряд небрежностей. Но в данном случае «в его безумии есть система», и трудно предположить, что он столько раз повторил одну и ту же ошибку. Сперва я предположил, что сборник 1961 г. мог печататься два раза с различными составами стихов. Но я проверил оглавление во всех доступных мне ленинградских книгохранилищах и никаких различий не обнаружил. Тогда Толя Найман,⁴ помогавший мне в этой проверке, выдвинул гипотезу, что в распоряжении Глеба могла находиться рукопись, предназначенная к печати текста сборника 1961, из которой не все было принято и обнародовано, как это было и у Вас с «Бегом времени». В этом случае, ему следовало, разумеется, оговорить свой источник, что он мог легко сделать, так как нашел бы в этом случае повод для своего обычного зубоскальства. Однако в т. I Американского издания вообще нет ссылок на источники (т. е. хотя бы библиографического описания печатных изданий). Может быть, это сделано во II томе? Я его не видел, хотя он вышел уже давно.⁵

По совету Наймана, я запросил Н. Н. Глен,⁶ имевшую близкое касательство к печатанию Сборника 1961, но ответа пока не получил. Может быть, Вы что-нибудь слышали о существовании более ранней и более полной рукописи этого издания?

Еще один казус такого же рода. Тот же редактор⁷ опубликовал в «Русской Мысли»⁸ за 10.1.67 г. «Два „неизвестных“ стихотворения Анны Ахматовой». Этот специалист по «ахматоведению» нашел их во втором издании «Anno Domini» («Петрополис» и «Алконост», Петербург — Берлин, 1923) в уникальном экземпляре Библиотеки Гарвардского Университета, которое отличается от всех прочих известных нам экземпляров наличием на стр. 7 и 8 (оборот) двух стихотворений: 1. Согражданам. И мы забыли навсегда; и 2. Видел я тот венец златокованный. Обычные экземпляры «Anno Domini» изд. 2-го на-

чинаются со стр. 9 «Бежецк» и этих вещей не содержат. Известны ли вам эти стихотворения? Первое имеется в машинописной рукописи двухтомного сборника, который готовил П. Лукницкий, но было, по-видимому, исключено из печатного экземпляра (дата в машинописной рукописи 8 мая н. ст. 1922 г.). Второе, должно быть, не печаталось вообще по особенностям содержания. Если у вас их нет, я могу Вам прислать.⁹

Еще несколько слов об издании 1925 г. (изд. «Петроград», 2 том), которое редактировал П. Лукницкий.¹⁰ Я успел, получив его в Москве, только списать оглавление с датами. За мелкими исключениями, в него вошло все, что публиковалось в отдельных, более ранних сборниках. Кроме того, оказалось, что в рукописном отделе Ленинской библиотеки имеется машинописный экземпляр того же сборника, по-видимому, предшествовавший печатному и не вполне совпадающий с ним по составу стихотворений. Я получил микрофильм с этой рукописи. И печатный, и машинописный экземпляры имеют для большинства стихотворений очень точные (печатные) авторские даты. Ср., например, «Сон» («Я знала, я снюсь тебе») — в Б<елой> Стае 1915; в «Беге Времени»: Царское Село, 1915; в двухтомнике: Март 1915. Ц<арское> С<ело>. Или: «Долго шел через поля и села» — в Б<елой> Стае 1915; вписано А. А. в экземпляре Гитович: Весна 1915; в двухтомнике: май 1915, Ц<арское> С<ело> (в первой журнальной редакции «Северных Записок»: Май 1915) и т. д. Я не совсем уверен, следует ли мне воспользоваться этими наиболее полными датами издания 1925 г.? Но, с другой стороны, ведь эти даты были указаны самой А.А. и только *случайно*, по цензурным обстоятельствам 1925 г., это издание не увидело света!¹¹ Вместе с тем сама А. А., когда дарила в 1960-х годах друзьям свои стихотворения, всегда вписывала дополнительно те даты, которые помнила, не имея под руками в качестве опоры тех точных указаний, которые она когда-то зафиксировала для печати в 1925 г.¹²

Пишу Вам об этом так подробно, т<ак> к<ак> хотелось бы посоветоваться. Расскажите Корнею Ивановичу, может быть, это его заинтересует. Передайте ему мой сердечный привет! Будьте здоровы!

Дружески Ваш

В. Жирмунский

¹ Речь идет о судебной тяжбе за наследство А. Ахматовой. См. подробнее во вступ. статье.

² Струве Глеб Петрович (1898–1985) — русский поэт, историк русской литературы, критик, переводчик. С 1919 года — в эмиграции, с 1947-го до конца жизни жил в США, читал лекции в различных американских и канадских университетах. Подготовил к изданию собрание стихотворений Ахматовой (Ахматова А. Соч.: В 2 т. / Общ. ред., вступ. статья и прим. Г. П. Струве и Б. А. Филиппова. Paris: YMCA-press, 1965. Т. 1). В дальнейшем Жирмунский говорит именно об этом издании.

³ «Лягушкой» Ахматова в шутку (по ярко-зеленому цвету переплета) называла издание своих стихов 1961 года: Ахматова А. Стихотворения (1909–1960) / Послесловие А. Суркова. М.: Гослитиздат, 1961 (сер. «Библиотека советской поэзии»).

⁴ Найман Анатолий Генрихович (р. 1936) — поэт, переводчик, прозаик, мемуарист. В 1960-е годы был секретарем Ахматовой, был хорошо знаком с ее рукописным наследием. В последние годы жизни Ахматовой вместе с тремя другими молодыми поэтами (И. Бродским, Д. Бобышевым, Е. Рейном) был дружен с Ахматовой, много времени проводил у нее на даче в Комарове; впоследствии, после смерти Ахматовой, эти четверо поэтов получили неофициальное название «ахматовские сироты».

⁵ Ахматова А. А. Соч. / [Общ. ред., вступ. статья Г. П. Струве и Б. А. Филиппова]. 2-е изд., пересмотренное и доп. [Мюнхен]: Международное литературное содружество, 1967–1968. На момент письма второй том еще не вышел.

⁶ Глен Ника Николаевна (1928–2005) — переводчица. В 1958–1963 годах была литературным секретарем А. А. Ахматовой. После смерти Ахматовой у Глен оставалась некоторая часть

литературного архива поэтессы, переданная ей самой Ахматовой. Впоследствии, в 2005 году, Н. Н. Глен отдала эту часть архива в Музей А. Ахматовой в Санкт-Петербурге.

⁷ То есть Г. П. Струве.

⁸ «Русская мысль» — парижская газета русской эмиграции. Выходила с 1947 года.

⁹ Оба стихотворения были впоследствии помещены Жирмунским в издании «Библиотеки поэта» в составе сборника «*Anno Domini*». Первое стихотворение (№ 238) озаглавлено «Петроград, 1919» («И мы забыли навсегда...», с. 149); второе — уже после стихотворения «Бежецк» (№ 240) под заголовком «Предсказание» («Видел я тот венец златокованный...», с. 150).

¹⁰ Лукницкий Павел Николаевич (1902–1973) — прозаик, поэт, журналист, собиратель материалов об А. Ахматовой и Н. Гумилеве (подробнее см.: Н. Гумилев, А. Ахматова: по материалам историко-литературной коллекции П. Лукницкого. СПб., 2005).

¹¹ Издание стихотворений Ахматовой, подготовленное к печати П. Н. Лукницким в 1925 году, не было осуществлено.

¹² В издании Жирмунского датировка указана точнее, чем просто год написания. Так, «Сон» («Я знала, что снюсь тебе...», № 177, с. 116–117) — Март 1915. Царское Село; «Долго шел через поля и села...» (№ 179, с. 118) — Май 1915.

3

Комарово, 30.X.<19>67.

Дорогая Лидия Корнеевна!

Я приехал в Л<енин>гр<а>д 26.X и в тот же день должен был выступить с докладом на сессии. Приехал в Комарово 28.X и тотчас же свалился от ужасной усталости. Только сегодня я в состоянии написать Вам и поблагодарить за письмо, которое дожидалось в Л<енин>гр<а>де моего приезда.

Большое спасибо за четверостишия. Мне кажется, что в ЦГАЛИ я нашел еще печочки, частично не вошедшие ни в печатное издание «Бег времени», ни в Ваши добавления. Но это надо проверить по моим записям. Все это относится к вопросу о «короткой форме» у Ахматовой, о которой я Вам рассказывал.

В рукописи, предоставленной мне Найманом, я постарался найти для Вас ответ насчет Фонтанного Дома. Как я Вам говорил — это очень подробный список всех мест, где жила АА начиная от рождения, но он очень путанный и несистематичный, и датировать его я пока не могу. Думаю, что он неоднократно пополнялся, последние «географические» данные относятся к путешествию в Италию. О Фонт<анном> Доме след<ующее>: «Фонтанка 34 (*живу там 35 лет*) [В. Ж.: в каком году писалось?!].¹ Фонтанный Дом. 1921–22. Четвертый двор, на стене Gerard de Nerval². Цикл An<no> Dom<ini>» [*живу и 1921–22* подчеркнуто мною].

Значит, АА жила в Фонт<анном> Доме 2 раза, один раз с Шилейко,³ другой с Пуниным, в промежутке жила в других местах, в каком году поселилась в Ф<онтанном> Д<оме> с Пуниным — не сказано.

К этому надо добавить из других записей на тех же листках:

«Мраморный дворец (Одно окно на Суворова, другое на Марсово поле). Квартира В. К. Шилейко. 1924–1926 (?) есть фотогр<афия>».

И в другом месте:

«Москва.

Третий Зачатьевский — осень 1918 (Шилейко)».

Значит, Шилейко — сперва на Третьем Зачатьевском (1918), потом в Фонт<анном> Доме (1921–1922), потом в Мраморном дворце (1924–1926?). В Мраморном дворце Шил<ейко> жил, вероятно, как работник Музейного ведомства (или Главнауки).

Теперь — мои воспоминания.

Я был у Шилейко в конце августа — в начале сентября 1917 г., перед моим отъездом профессором в Саратов (как вспоминала АА). Он жил в дворце Шереметева как воспитатель его сына. Возможно, что я бывал у него в этой «нрзб.» и раньше. Во время разговора моего с ним вошла АА и присоединилась к разговору. Это совсем не значит, что она в это время уже жила в Фонтанном Доме или была близка с Шилейко и т. п. Она могла прийти с улицы. Во всяком случае, я считал, что она здесь гостя. Незадолго до этого был еще такой случай. На последнем заседании Пушкинского отдела в Университете (это было в 1917 г., перед моими каникулами) я читал доклад «Валерий Брюсов и наследие Пушкина». На доклад явились: Николой Степанович Гумилев с Аней Энгельгардт⁴ и АА с Шилейко. Думаю, что это было для обеих сторон (как и для меня) досадной неожиданностью. Возможно, что я пригласил Николая Степановича и АА, каждого порознь, но, конечно, без сопровождения. Что у Николая Степановича был уже роман с Аней Энгельгардт, я уже знал, на Шилейко я посмотрел как на друга, сопровождающего оставленную.

А вот Вам «открытие», о котором я Вам говорил. В стихотворении «Опять подошли забытые даты», помеченном «1944 лето Фонтанный Дом», после известных Вам двустиший следуют еще два, *приписанные карандашом* — в двух разных тетрадях одинаковым образом:

А в Мраморном крайнее пусто окно,
Там пью я с тобой ледяное вино
И там прощаюсь с тобою навек,
Мудрец и безумец — дурной человек.⁵

[Адресат раскрывается приведенным выше указанием — «Мраморный дворец... квартира В. К. Шилейко. 1924–1926?»]

В ближайшее время я надеюсь возобновить работу и прежде всего просеять записанное в ЦГАЛИ.

Дружески Ваш

В. Жирмунский

Р. С. Лева уезжает в командировку в Венгрию, поэтому суд опять откладывается до декабря.⁶ Все это очень печально и характерно для положения дел.

¹ Здесь и далее квадратные скобки принадлежат В. М. Жирмунскому.

² Ср.: «В большом старинном доме на Фонтанке, вблизи Летнего Сада, из окна, выходящего во двор, на соседней глухой стене в сажень толщиной проступала леонардовская плесень; взглядевшись в нее, можно было отчетливо видеть силуэт в цилиндре и плаще, куда-то бегущий. О. А. Глебова-Судейкина говорила, смотря на эту тень: „Вот опять маленький Нерваль бежит по Парижу“. Все друзья, бывавшие в доме на Фонтанке, знали и любили призрачного поэта в призрачном Петербурге» (*Лурье А. Детский рай // Воздушные пути. Нью-Йорк, 1963. № 3. С. 163*).

³ Шилейко Владимир Казимирович (1891–1930) — востоковед, поэт, переводчик. Второй муж А. Ахматовой (1918–1922). В 1916–1917 годах был домашним учителем в семье графа Сергея Дмитриевича Шереметева, последнего владельца Фонтанного Дома, в связи с чем проживал в северном флигеле Фонтанного Дома. Именно там одно время жила Ахматова во время своего «первого пребывания» в Фонтанном Доме. Вскоре он получил квартиру в Мраморном дворце, как научный сотрудник Эрмитажа, куда и переехал из Фонтанного Дома. См. подробнее: *Емельянов В. В. Вольдемар Казимирович Шилейко. Научная биография. СПб., 2019.*

⁴ Энгельгардт Анна Николаевна (1895–1942) — вторая жена Н. С. Гумилева (1918–1921).

⁵ В издании Жирмунского эти приписанные строфы публикуются в разделе «Другие редакции и варианты» (с. 417).

⁶ См. подробнее во вступ. статье.

Комарово, 14.I. <19>68.

Дорогая Лидия Корнеевна!

Я надеюсь, что Вы поправляетесь, и рад еще раз, что мой испуг был напрасным. Ваши замечания по поводу присланных мною стихов, вероятно, в большинстве случаев справедливы. Я хотел раньше, чем отвечать Вам, всё проверить по своим тетрадам, но теперь выходит так, что удобнее все это сделать сразу, когда я еще раз подойду к обработке «неизданных» и «полуизданных» стихов. Мне не хочется отрываться от того, что я делаю сейчас. А делаю я следующее: на основании проделанной ранее работы подготавливаю текст и сопровождающие его примечания уже начисто, так сказать, для печати. Как только какой-нибудь отдел будет готов и переписан (вероятно — «Вечер» и «Четки»), я пошлю Вам экземпляр (но с возвратом!), чтобы показать Вам и воспользоваться Вашими советами для всего остального.

О датах. У меня теперь оказалось два источника: оглавление Лукницкого (до 26 г.)¹ и список, составленный Дилакторской² под диктовку АА для Собрания стихотворений, подготавливавшегося в 1945–1946 г. Когда даты совпадают (скажем, Киев, такого-то числа и месяца и т. п.), это сперва внушает восторг и даже изумление. Но это объясняется очень просто: у АА в то время были под рукой тетрадь или тетради этих более ранних стихов с точными датами. Дилакт<орская> так и вспоминает, что АА диктовала ей стихи по тетради. Иногда бывают и расхождения, но не очень значительные. Для более позднего времени (после 1946 г.) помогают «творческие тетради» более нового времени, сохранившиеся в архивах стихи там тоже все датированы.

Как делать Вам в Вашем издании, не преследующем научных целей?³ Я не ставил бы авторских дат в скобки, а либо сохранил бы их, либо, что, может быть, правильнее — заменил бы более точным *без объяснения*. Ведь Вы все равно не можете, даже в научном издании, дать объяснение, по каким причинам АА так или иначе датировала стихи Пастернаку и т. п.? В моем издании о вопросах авторской документальной и иной датировки я скажу в общей форме в предисловии: например, что там, где Лукн<ицкий> (1926) и Дилакторская (1945) в точности совпадают, я считаю дату абсолютно достоверной, а где они расходятся — сообщаю о своих источниках и расхождениях.

В целом мне кажется, что у АА, несмотря на ее прославленную память, были *ошибки памяти*, когда не было под рукой тетради с датами. А специальные подмены дат очень характерны, но в процентном отношении немногочисленны.

После долгих колебаний я все-таки решил, следуя заветам и инструкциям библиографов?, давать известную мне дату под стихотворениями полностью, чтобы не возвращаться после находки стихотворения к обсуждению вопроса в примечаниях. Даты и в особенности *лицо* написания получают очень важное биографическое значение (Слепнево, Ц<арское> С<ело>). Сейчас я, например, могу на этом основании довольно решительно отнести то или иное стихотворение к Гумилеву (в особенности!) и др.

Наш спор о Мраморном Дворце получил очень любопытное продолжение. Я сообщил Вам два двустишия, записанные у АА дважды, но мне с самого начала казалось непонятным, как могла она нарушить правила чередования рифм — стихотворение заканчивалось двумя м<ужскими> рифмами, четыре неизданных стиха тоже написаны сплошными м<ужскими> рифмами. Теперь

я нашел в П<убличной> Библ<иотеке> уже не два, а *четыре* двустихия, и все было на месте:

Все ясно — кончается злая неволя, ж.
 Сейчас я пройду через Марсово Поле
 И в Мраморном крайнее пусто окно
 Там пью я с тобой ледяное вино.
 Мы заняты странным с тобой разговором,
 Уже без проклятий, уже без укоров...
 Там я прощаюсь с тобою навек,
 Мудрец и безумец — дурной человек⁴

[Все перечеркнуто]

Скажу, что я все-таки не уверен, что речь здесь идет о Г<умилеве>, а не о Шил<ейко>. Я думаю, что и к Г<умилеву> не подходит ни «мудрец» (которым АА в те годы никогда не считала!), ни «безумец» (каким он никогда не был) и что она не стала бы называть его (в 1944 г.!) «дурной человек». А «дурной сон» как раз подходит и все прочее тоже!

Из моей цитаты Вы видите, что я работаю в П<убличной> Библ<иотеке>. Как и в ЦГАЛИ, дирекция оказалась очень любезной и, по просьбе комиссии, предоставили мне это право, несмотря на то, что моя позиция им известна. Они очень предупредительны, а я не могу откладывать работу над книгой до конца суда (ведь будет еще продолжение в Верх<овном> Суде РСФСР, инстанции апелляции!). В Публ<ичной> Библ<иотеке> материал тоже очень интересен — в той части, которую Мыльников⁵ в свое время так ловко похитил у Н. В. Измайлова.

Между прочим, там имеется конверт в 49 л., в который Толя Найман в свое время уложил все, что было сделано по «Прологу». Эта вещь очень волнует, особенно в своей стихотворной части, но совершенно незакончена, так что о ее очертаниях можно едва догадываться и в таком виде трудно поддается печатанию, по крайней мере в прозаической, комическо-сатирической части, странным образом напоминающей по манере последний роман Булгакова.

Имеется там еще 3 неизданных и недоконченных стихотворения, посвященных А. Блоку, которые я не успел даже переписать, т<ак> к<ак> все приходится делать от руки. Но я переписываю стихи АА с таким же удовольствием, с какими молоденькая девушка могла в прошлом переписывать «Четки» в свою школьную тетрадь.

Нашел я и стихотворение «Все, кого и не звали, в Италии», которое датировано концом 57, началом 58 г. и не имеет никакого отношения к друзьям, сопровождавшим АА в ее путешествии.

Все, кого и не звали, в Италии,
 Шлют с дороги прощальный привет.
 Я осталась в моем зазеркалии,
 Где ни Рима, ни Падуи нет,
 Под святыми и вечными фресками
 Не пройду я знакомым путем
 И не буду с леонардесками
 Переглядываться тайком.
 Никому я не буду сопутствовать
 И охоты мне странствовать нет...
 Мне к лицу стало всюду отсутствовать
 Вот уж скоро четырнадцать лет⁶

Ахм.

Москва.

Насчет суда Вы, вероятно, знаете уже все через Э. Г. Герштейн.⁷ Отложили на 12 февр<аля> из-за неявки ЦГАЛИ. В деле участвует прокурор — м<ожет> б<ыть>, это хор<оший> признак. И <ри>н<а> П<унина> привлекла в качестве свидетельниц много сердобольных дам, в их числе Рыбакова,⁸ дочь В. С. Круневского, Ладыженская⁹ и Орбели (Изергина),¹⁰ вызванные без их согласия, обязанные прийти. Изергина через В. Г. Адмони¹¹ три раза делала попытки уладить дело, не доводя его до суда. Посоветовавшись со мной (но не говоря еще предварительно с Л<ьвом> Н<иколаевичем>), В<ладимир> Г<ригорьевич> предложил оставить ей <И. Н. Пуниной. — В. А.> деньги, полученные за архив, если она признает права Лёвы распоряжаться архивным наследием. Представьте себе, что она ответила: «пускай он поделится со мной деньгами, которые получил по сберкнижке А<нны> А<ндреевны>!»

Я уже писал Вам, что Ваше показание написано замечательно хорошо. Н. Я. Мандельштам, не имея возможности приехать, тоже прислала в суд краткие изложения своих прежних показаний. Не знаю, зачем в дело вмешался В. Ардов¹² и тоже написал в суд послание (в защиту прав Пуниной и против Лёвы).

Не знаю, можете ли Вы уже писать? Если можете, сообщите, пожалуйста, в каком объеме Вы восстановили «Бег времени» и как поступили с R<equiem>?

Что слышно относительно дальнейших планов Лениздата?

С сердечным приветом В. Жирмунский.

Р. S. Посылаю Вам на память книжку, которую мы только что напечатали вместе с моей женой в серии «Литературные памятники».¹³

¹ См. прим. 10 и 11 к п. 2.

² Дилакторская Наталья Леонидовна (1904–1989) — писательница и редактор. Дружила с Ахматовой с 1944 года, была редактором-составителем ее неизданного собрания стихотворений (1945–1946).

³ В 1968 году Л. К. Чуковская готовила к изданию в Лениздате сборник стихов и прозы Ахматовой (совместно с К. И. Чуковским и Э. Г. Герштейн). Летом 1968 года Жирмунский написал обстоятельную рецензию на него. В рецензии, в частности, Жирмунский пишет: «К составлению сборника „Стихов и прозы“ Анны Ахматовой Лениздат привлек трех лиц, в высшей степени компетентных в этом деле — К. И. Чуковского, Л. К. Чуковскую и Э. Г. Герштейн. Корнеем Чуковским, старейшим советским критиком и литературоведом, написана *вступительная статья* (стр. 3–90). Она подкупает личным отношением к теме; анализ творчества поэтессы тесно сплетается с литературными воспоминаниями критика, восходящими к самым первым годам творчества Ахматовой; характеристика этого творчества отличается яркостью и доходчивостью, обычными для литературной манеры Чуковского; художественное мастерство Ахматовой рассматривается в тесной связи с ее поэтическим и жизненным мировоззрением; в особенности интересны замечания критика о позднем творчестве Ахматовой, когда она выступает как «историк» своего поколения («Поэма без героя»)».

⁴ Воспроизведено в издании «Библиотеки поэта» в разделе «Другие редакции и варианты» (с. 417).

⁵ Мыльников Александр Сергеевич (1929–2003) — историк-славист, в описываемое время заведующий Отделом рукописей Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (см. подробнее во вступ. статье).

⁶ Стихотворение было написано 26 сентября 1957 года и было реакцией на отказ руководства Союза писателей включить Ахматову в состав делегации советских писателей, отправленных в Италию осенью 1957 года. В поездке из писателей участвовали Н. А. Заболоцкий, А. А. Прокофьев, Б. А. Слуцкий, А. А. Сурков, А. Т. Твардовский, Л. И. Мартынов, М. В. Исаковский и др. С Ахматовой руководством ССП также велись предварительные переговоры, но в последний момент ее кандидатура была заменена кандидатурой В. М. Инбер (см.: *Тименчик Р. Последний поэт. Анна Ахматова в 60-е годы: В 2 т. 2-е изд., испр. и расширенное. М., 2014. Т. 1. С. 131–134).*

⁷ Герштейн Эмма Григорьевна (1903 — 2002) — историк литературы, мемуарист.

⁸ Рыбакова Ольга Иосифовна (1915–1998) — давний семейный друг Ахматовой.

⁹ Ладыженская Ольга Александровна (1922–2004) — специалист в области математики, математической физики и термодинамики. Действительный член Академии наук (с 1990 года), автор более 250 научных работ по математике.

¹⁰ Изергина Антонина Николаевна (1906–1969) — искусствовед, крупнейший специалист по западноевропейскому изобразительному искусству, многолетний сотрудник Государственного Эрмитажа в Ленинграде, заведующая сектором западноевропейского искусства Эрмитажа. Была замужем за академиком Иосифом Абгаровичем Орбели (1887–1961). Подробнее см.: Антонина Николаевна Изергина [Избранные труды. Воспоминания. Письма. Выступления]: В 2 кн. СПб., 2009.

¹¹ Адмони Владимир Григорьевич (Вольдемар Вольф Гойвишевич Красный-Адмони, 1909–1993) — лингвист, литературовед, переводчик и поэт, доктор филологических наук (1947), профессор (1948). Был близким другом с Ахматовой. См. его воспоминания: *Адмони В. Г. Знакомство и дружба // Воспоминания об Анне Ахматовой / Сост. В. А. Виленкина и В. А. Черных, комм. А. В. Курт и К. М. Поливанова. М., 1991. С. 332–346.*

¹² Ардов Виктор Ефимович (1900–1976) — русский советский писатель-сатирик, драматург, сценарист. Ахматова была дружна с семьей Ардовых и последние годы часто останавливалась у них в Москве. См.: *Ардов М., Ардов Б., Баталов А.* Легендарная Ордынка. СПб., 1997.

¹³ В 1967 году Жирмунский и его жена Н. А. Жирмунская (Сигал) подготовили к печати сборник «Фантастические повести»: *Уолпол Г.* Замок Отранто; *Кэзот Ж.* Влюбленный дьявол; *Бекфорд У.* Ватек / Изд. подг. В. М. Жирмунский и Н. А. Сигал. Л., 1967 (сер. «Литературные памятники»).

5

Комарово, 17 апр. <19>68

Дорогая Лидия Корнеевна!

Простите, что не поблагодарил Вас сразу за Вашу посылку — примечания и две последних части «Поэмы». ¹ Я воспользуюсь ими, с Вашего позволения, как только приступлю к этой части работы. Ваши примечания очень «питательны»: Вы умеете кратко комментировать все необходимое, я до сих пор делал это недостаточно, за исключением литературных и литературно-биографических тем. Относительно текста «Поэмы» я вижу, что мне придется тоже (при Вашем содействии!) познакомиться с большинством и внимательно проследить или переписать ее экземпляры. Дело в том, что мои «филологические» навыки очень настраивают меня против того, чтобы включить в текст отдельные поправки, хотя бы «авторизованные». Мне кажется, что это нарушает единство, которое поэма представляла на каком-то данном этапе своего развития. Я предпочел бы все нужное добавить и оговорить в примечаниях. Но серьезно можно будет об этом сказать, когда я приступлю к работе над «Поэмой» для специальной цели этого издания. Тогда мне очень помогут Ваши советы и то, что Вы мне уже прислали.

Я не писал Вам все это время по двум причинам. Во-первых — я болен: какой-то очень запущенный грипп, который начался у меня еще до Москвы и преследовал в Москве и после: непроходящий насморк, мучительный кашель, сильнейшая простуда, продолжающаяся уже почти месяц без высокой температуры. Во-вторых — именно вследствие нормальной температуры — желание пересилить природу и перехитрить врачей. Я все это время сижу в Комарово — работаю с утра до вечера. Вчера закончил в чистовом виде текст сборников и примечания к ним. Как Вы помните, последние две книги у меня: «Тростник» и «Седьмая книга» (по «Бегу времени» с Вашими дополнениями). Я еще раз продумал вопрос о названии последней книги и пришел к выводу, что она называется «Седьмой книгой». Это очевидно по титульному листу

Б<ега> В<ремени>, где перечислены все 7 книг, в соответствии с последним решением АА, и по оглавлению, где *Нечет* является названием *второй* части *Седьмой книги*. Да и по существу не могло бы быть иначе, потому что в таком случае *Нечет* был бы восьмой книгой, что не соответствовало бы заглавному листу и находилось бы в противоречии со значением слова («Нечет» — *восьмая!* книга), к чему АА не могла не быть чувствительной (первоначально, как Вы знаете, «Нечет» было одним из заглавий, конкурировавших для последнего сборника после «Тростника» — в двойном значении: «Нечет» по счёту, и «Нечет» в народном понимании «горе», «несчастье»).

«Седьмую книгу» с примечаниями я отдал уже в переписку. Тороплюсь, вследствие непонятного страха, что не доживу до окончания работы (до выхода ее в свет уж, конечно, не доживу!). Должен сказать, что последние, в особенности неизданные, стихи АА очень настраивают на подобные мысли, и я уже выбрал себе место на комаровском кладбище.

Одновременно я переписал все неизданные стихи от руки и завтра поеду в город (придется все-таки повидать врача, поскольку простуда не кончается), тогда отдам их тоже в переписку. У меня будет для Вас экземпляр, по крайней мере, того, что Вы не знаете: это удобнее, чем переписывать отдельные стихотворения, отмеченные Вами в каталоге; но Вам придется немного подождать. Сдаю я в переписку новых 100 №№; вместе с первой партией, из которой я прислал Вам наиболее интересные образцы несколько месяцев тому назад, это составит 150 №№! Это не так плохо, если вспомнить нарекания по этому поводу Ирины Пуниной.

У меня к Вам, как видно, ряд вопросов, касающихся имен и биографических «темных мест», но оставлю это до след<ующего> письма, потому что сейчас уехал. Самое потрясающее в этом новом материале (хотя недоработанное и «неподходящее») это «Последнее слово подсудимой».* В нескольких редакциях, которая, по разъяснению АА, являлась *Седьмой, или Последней Ленинградской элегией* (в список которых включено было, как Вы, видимо, запомнили, и «В том доме» 1921 г.)!

Желаю Вам здоровья и всего хорошего!

ВЖ.

Р. С. Сердечный привет!

* «Последнее слово подсудимой» по теме тесно связано с третьим действием драмы «Пролог», где происходит суд над автором.

¹ Речь идет о «Поэме без героя».

Дорогая Лидия Корнеевна!

Простите мне великодушно, что я так долго не отвечал на Ваши важные для меня и срочные письма. Днем я сплошь работаю над Собранием стихотворений, а к вечеру так устаю, что уже не могу ничего писать — состояние некоторой слабости у меня все еще не прошло.

Прежде всего — Лениздат! Мой отзыв¹ не представляет для Вас большого интереса: я понял редактора так, что это или нужно для дела, или для офи-

циальных целей и потому ограничился похвалой АА и изложением содержания проделанной Вами и Э<ммой> Г<ригорьевной> работы и похвалой вам. Я не считал возможным, ввиду специальных задач этой рецензии, вносить в нее какие-либо дискуссионные и критические вопросы, о которых самое важное напишу ниже Вам лично. Тем не менее, чтобы выполнить Вашу просьбу, я попрошу жену мою переписать для Вас эту рецензию (3 экземпляра забрало издательство) и пришлю ее Вам дополнительно.* Экземпляр верстки я получил разрешение оставить себе для работы.

SOS! Я получил от редактора тот же список подлежащего исключению уже *после того*, как отправил в издательство свой отзыв, так что не мог непосредственно реагировать на ту процедуру. Что делать дальше, я не знаю: они, конечно, выбрали действительно «уязвимое». Относительно «Поэмы» скажу следующее. В тексте Riccio,² очень аккуратном и, по-видимому, просмотренном АА, во втором случае там *наличествует* купюра: после «В опаленных наших лесах...» поставлено троеточие, после которого следует подряд, без всякого раздела: «А не ставший моей могилой». Связь не нарушена, и АА, по-видимому, предпочла сама дать иностранцу текст в таком виде. Труднее случай с «Решкой», строфа XI. Пропуск вообще внешне оправдан авторскими «пропущенными строфами» и примечанием к ним. Однако смысловая связь между строфой VIII («Тишина тишину сторожит») и строфой XII («Я ль растаю в казенном гимне») оказывается нарушенной. У Riccio этого разрыва нет, потому что наличествует строфа IX («И со мною моя Седьмая»), которая исключена в Вашем тексте. Если бы эта строфа не была Вами ранее выпущена, я бы советовал ее восстановить, т<ак> к<ак>, по-моему, для постороннего читателя ее конкретный смысл не очень понятен и для него все должно представляться возвышенным, трагичным, но в деталях — неясным (несмотря на «черной замазан краской» — слова, прямой смысл которых не всякому придет в голову). Восстановить эту строфу — не только по существу, но просто для связи, было бы, м<ожет> б<ыть>, важнее и проще, чем «пытки, ссылки и казни», но я боюсь, что, сделав такое предложение *post factum* (т. е. после первоначального исключения), значило бы вызвать внимание к общему неблагополучию всего контекста.³

А впереди предстоит ведь общая цензура, которую книга, по-видимому, еще не прошла! Учитывая это, я считал бы большим счастьем, если бы все остальное прошло благополучно и «Поэма» была бы действительно напечатана.

Единственное, о чем я написал в редакцию *сразу же* — это безобразный случай с эпиграфом из И. Бродского, который в свое время так взволновал АА.⁴ Этот случай представляется мне ничем не оправданным самоуправством, и я тотчас же написал об этом в самой резкой форме Друяну,⁵ с просьбой показать мое письмо гл<авному> редактору изд<ательст>ва. Я написал ему, что Бродский — советский гражданин, по отношению к которому такая дискриминация незаконна, что он — замечательный поэт, «один из 3–4 лучших советских поэтов нашего времени», что такое же мнение о нем в свое время высказывали АА, покойный Маршак и К. И. Чуковский, что он пользуется международной литературной славой (почти каждый месяц в библиографических списках иностр<анных> литературных журналов, которые посылаются мне по А<кадемии> Н<аук>, я встречаю ссылки и рецензии на его стихи!), наконец, что А<кадемия> Н<аук> поручила ему готовить под моей редакцией для «Литер<атурных> Памятников» сборник стихотворений английских поэтов XVII в., о чем напечатано в каталоге этой серии⁶ (кстати, и в наших журналах кое-что появилось из его стихотворений и переводов — вопрос о книжке его стихов, к сожалению, пока отпал!). Друян позвонил мне из издательства в Комарово, чтобы еще раз сказать, что напечатать эпиграф

невозможно по внешним соображениям, которые он мне сказать не может. Я выругал его и издательство и сказал, что буду на них жаловаться за незаконные действия по отношению к молодому писателю. Действительно, я имел продолжительный разговор с Д. А. Граниным,⁷ председателем Лен<инградского> Отдел<ения> ССП и личным соседом по даче, который вообще пытается поддерживать Иосифа и Толю, и он обещал мне, что сегодня же будет говорить по этому вопросу в Лен<инградском> Обкоме.

Однако мне кажется, что было бы очень хорошо, если бы Корней Иванович, на высокую оценку которого я позволил себе сослаться (имея в виду предыдущее дело Иосифа⁸), написал бы от себя в Лениздат (на основании Вашего сообщения) с настоятельной просьбой восстановить цитату в соответствии с авторской волей АА и заодно написал бы, если он сочтет это возможным, о больших достоинствах Бродского как поэта. Сегодня в особенности, под свежим впечатлением речи тов. Брежнева,⁹ это произведет гораздо большее действие, чем мои нескромные утверждения о месте И. Бр<одского> в советской поэзии.

Теперь несколько слов о Вашем издании. Я внимательно сравнил состав стихов с печатным «Бегом времени» и с рукописью Б<ега> В<ремени>, которая была в свое время представлена в издательство и подверглась сокращению (у меня имеется Ваш список и выпущенные стихи). У Вас в новом издании изменено около 25 №№ *сверх этого списка* и номеров 25 имеется в списке сверх печатного Б<ега> В<ремени>. Таким образом читатель Вашего издания, кроме «Поэмы», получит еще 50 №№ *сверх печатного издания!* Это *очень хорошо*, и я не стану спорить с Вами: Вы ведь публикуете не 2-е издание Б<ега> В<ремени>, а Новое собрание стихотворений АА, и *чем больше там будет стихов*, не печатавшихся в более раннем *Собрании, тем лучше*: всякие «филологические» соображения при этом отпадают. М<ожет> б<ыть>, только ссылка на «волю и намерение поэта», можно было бы как-то смягчить: конечно, волею и намерением поэта было — издать *все* заслуживающие напечатания стихи, но не обязательно в этом составе. Однако и это — только «филологическая» деталь, подсказанная проделанной мною работой.

Другое дело — лично мое: как *мне* использовать Ваше издание, которое выйдет в свет задолго до моего? До сих пор я печатал книги «Тростник» и «Седьмая книга» по «Бегу времени», расширенному Вашим списком полного состава. Стихотворения, не напечатанные в Б<ега> В<ремени> печатном, я помечал как Б<ег> В<ремени> *рукоп<исные>*. Остальное попадало в разделы: «Журнальные публикации, не входившие в собрание» и «Неизданные стихи». Теперь ряд стихотворений из этих разделов, напр<имер>, «Где-то ночка молодая», «И ты ко мне вернулась», «Памяти М. Булгакова», «Подражание», «Светает — это страшный суд» оказались включенными в основной печатный корпус Вашего издания «в соответствии с волей поэта». Как же мне поступить в этом случае, посоветуйте! М<ожет> б<ыть>, и мне вместо Б<ега> В<ремени> *рукоп<исного>*^{**} взять за основу *Ленизд<ат>*, рассматривая его как последнюю публикацию, хотя и посмертную, однако осуществленную в соответствии с намерениями автора? Это был бы выход (о некоторых мелких трудностях, с ним связанных, я писать сейчас не буду: они касаются в основном пунктуации, в которой я ориентировался на Б<ег> В<ремени> как на последний текст, просмотренный автором).

Теперь о моих «критических» замечаниях. Единственное, на чем я продолжаю настаивать, это то, что у АА было *семь книг*, а не *восемь*, обстоятельно находим наглядное отражение на титульном листе Б<ега> В<ремени>. Поэтому «Седьмая книга», по моему пониманию, является *последней*, а «Нечет» — заглавие, фигурировавшее у АА в разных контекстах, начиная с остав-

шегося ненапечатанным сборника 1946 («Стихи 1936–1946 г.»), должен пониматься как вторая часть «Седьмой книги», фактически включившей в свой состав все последние напечатанные стихи. Кстати, «Нечет», как мне кажется, имел основным значением — 7-ая (нечетная) книга, после «Тростника», — конечно, как всегда, «с двойным дном» (*Нечет* — неудача, несчастье, горе). «Нечет» не может быть 8-ой книгой!

Обратите внимание еще на одно любопытное обстоятельство. В оглавлении Б<ега> В<ремени> все первые книги даются с заголовками: *Из книги Вечер*, *Из книги Четки*, ... *Из книги Anno Domini*, как и в других собраниях стихотворений, начиная с «Шести книг». Последние два больших раздела обозначены *Тростник* и *Седьмая книга* одинаковым крупным жирным шрифтом. Это означает, что в отличие от ранних сборников, из которых печатались *извлечения*, *Тростник* и *Седьмая книга*, нигде ранее не публиковавшиеся, рассматривались АА как публикации в полном виде двух впервые публикуемых книг.

Свои вопросы я откладываю до более свободного времени. Будьте здоровы, поправляйтесь, сердечный привет Корнею Ивановичу! Ваш ВЖ.

* Уже переписано и отослано!

** Что вообще звучит двусмысленно.

¹ См. прим. 3 к п. 4.

² Карло Риччо (Carlo Riccio, 1932–2011) — итальянский поэт, переводчик, литературовед. Был хорошо знаком с Ахматовой, переводил ее стихи. В 1963 году был опубликован сборник стихотворений А. Ахматовой в переводе на итальянский Карло Риччо (*Achmatova A. Poema senza eroe e altre poesie*. Torino: Einaudi, 1963). Помимо «Поэмы без героя» и «Реквиема» в сборник включена подборка стихотворений, названия которых не указаны. Перевод «Реквиема» К. Риччо является первым европейским переводом этого произведения.

³ Эти варианты были помещены в издание «Библиотеки поэта» 1976 года в раздел «Другие редакции и варианты» (с. 439 — «Решка» и 441–442 — «Эпилог»).

⁴ Речь идет о стихотворении Ахматовой «Последняя роза» («Мне с Морозовою класть поклон...») 1962 года. Оно было ответом на стихотворение И. Бродского «Закричат и захлопочут петухи...», написанное в том же году и посвященное Ахматовой. Эпиграфом к стихотворению «Последняя роза» Ахматова взяла строчку из этого стихотворения Бродского («Вы напишете о нас наискосок...») и помещала этот эпиграф во всех машинописных копиях того стихотворения, которые дарила друзьям. По цензурным соображениям эпиграф несколько раз снимали, несмотря на протесты самой поэтессы и тех, кто готовил ее стихи к публикации. В издании «Библиотеки поэта» 1976 года стихотворение Ахматовой дано без эпиграфа.

⁵ Друзя Борис Григорьевич (род. 1936) — литератор, редактор, журналист. В упомянутое время работал редактором в отделе художественной литературы Лениздата. Участвовал в подготовке сборника: *Ахматова А. Стихи и проза* / Сост. Б. Г. Друян; вступ. статья Д. Т. Хренкова; подг. текстов Э. Г. Герштейн и Б. Г. Друяна. Л.: Лениздат, 1976.

⁶ Во второй половине 1960-х годов Жирмунским был заключен договор с серией «Литературные памятники» издательства «Наука» на издание стихов английских поэтов-метафизиков XVII века. Готовить научный аппарат и писать вступительную статью, согласно договору, должен был Жирмунский, а переводчиком стихов выступал Бродский (см.: Литературные памятники: Итоги и перспективы серии / Сост. Д. В. Ознобишин. М., 1967. С. 48; название тома — «Поэзия английского барокко»). Однако работа затянулась и была прервана смертью Жирмунского и отъездом Бродского в эмиграцию. Поскольку издательство «Наука» принадлежало Академии наук СССР, то можно предположить, что упоминание такого авторитетного в глазах тогдашних властей учреждения, как Академия наук, должно было поднять в глазах властей и авторитет самого Бродского (который, хоть и был освобожден из ссылки, смог вернуться в Ленинград, вступил в профком Союза советских писателей и минимально публиковался, считался все же в глазах властей «полуопальным»).

⁷ Гранин Даниил Александрович (1919–2017) — прозаик, публицист, общественный деятель. В описываемое время (1967–1971) был первым секретарем Ленинградского отделения Союза советских писателей. Был соседом Жирмунского по даче в Комарове.

⁸ 18 февраля 1964 года И. Бродский был приговорен к ссылке на 5 лет за «тунеядство». В числе многих советских деятелей культуры, вступившихся за молодого поэта и писавших в различные государственные инстанции петиции с просьбой пересмотреть дело, был К. И. Чуковский.

⁹ Подразумевается «Речь на Всесоюзном съезде учителей» (4 июля 1968 года), где подчеркивалась роль советского искусства для воспитания и упоминался К. И. Чуковский: «У нас есть превосходная литература для детей, которая развивается как неотъемлемая часть большой советской литературы. Сейчас уже невозможно представить детство без книг С. Маршака, С. Михалкова, К. Чуковского, А. Барто, Н. Носова, юность — без книг Д. Фурманова, Н. Островского, А. Гайдара, Л. Кассиля и многих других талантливых писателей» (*Брежнев Л. И.* Ленинским курсом. Речи и статьи: В 5 т. М., 1970. Т. 2. С. 232).

7

Комарово, 20.VII.<19>68.

Дорогая Лидия Корнеевна!

Спасибо за письмо. мне пока еще не удалось посмотреть в Москве «Лермонтов» и «1001 ночь».¹ Я звонил в ЦГАЛИ по телефону, но Н. Б. Волкова² уехала в отпуск до конца месяца и не оставила никаких распоряжений.

Насчет эпитафия из И. Бродского я говорил с Граниным, который собирался обратиться к начальству.³ Однако через несколько дней он сказал мне, что не сумел ничего сделать, потому что начальство куда-то уехало. Боюсь, что это эвфемизм. Бедный Иосиф, беспокоюсь за него! А между тем в А<кадемии> Н<аук> с ним заключен договор.⁴ Не нашел ли Корней Иванович что-либо в Лениздате по поводу эпитафия? Остальное, боюсь, пока безнадежно.

Я с утра до вечера работаю над текстами. Остались «Поэма без героя» и «Тростник», т. е. самое сложное. В настоящее время занят «Поэмой». Установил путем внимательного сличения, что Ваши публикации (Б<ег> В<ремени>, редакции I и II части «Собрания» Лениздата), мой список 1962–1963 гг. и текст Карло Риччи совпадают почти дословно, с слишком ничтожными отклонениями. Все они восходят к одному и тому же машинописному тексту 1962–1963 гг., с теми различиями, что мне и Вам А.А. вписала (а мне впечатала) те дополнительные строфы, которые она не пустила в общее обращение. Поэтому я сравниваю между собой все эти тексты и в случаях ничтожных наличествующих отклонений следую своему разуму, помещая минимальные разночтения (в сущности, таких имеется всего 3–4 случая) в варианты.

Насчет «Эль Греко». В моем экземпляре эта строфа обозначена номером 15а, как и прочие вставные строфы, имеющие номера а, в и т. п. Ее нельзя печатать в одном тексте со строфой 16, т<ак> к<ак> легко заметить, что она представляет ее вариант. Ср.:

15а:

Чтоб посланец *давнего века*,
Что сошел с полотна Эль Греко,
Объяснил мне совсем без слов...

И 16:

И тогда *грядущего века*
Незнакомого человека
Пусть посмотрят дерзко глаза...

Такие тождественные по звуку и смыслу рифмы А.А. не могла поставить в две соседние строфы!

Я решил собрать целый ряд таких строф, которые А.А., по ее словам, «не пустила» в поэму, и поместить их в «Дополнения» к поэме.⁵ Среди них есть

и изданные, и неизданные. Издано так отдельное стихотворение под заглавием «Петербург в 1913 году», две строфы, начинающиеся: «За заставой воеет шарманка».⁶ Чтобы показать вам его первоначальное место в поэме, я посылаю вам один из первоначальных черновиков, в котором особенно любопытно упоминание о «Народной Воле», которое в дальнейшем замаскировано было стихами: «В черном ветре злоба и воля». Из неизданного особенно интересна строфа про «Царскую дочь», которую Вы мне прислали и которая в архиве представлена в большом числе черновых редакций.⁷ Посылаю Вам также строфу о кузине-Джудетте.⁸ В сценарии, о котором я вам рассказывал, упоминается невеста драгуна, которую он бросил ради Коломбины (О.) и которая кончает жизнь самоубийством или уходит в монастырь.

Еще посылаю вам никогда не переиздававшееся стихотворение из того же авторского журнала 1919 г., которое нашел Генин.⁹ Оно — все равно, что неизданное!

Мы собираемся с Н<иной> А<лександровной> числа 4 августа в Москву, чтобы ехать в Прагу на Международный конгресс славистов¹⁰ в составе большой делегации советских филологов. Но состоится ли эта поездка, разумеется, неизвестно. Будьте здоровы!

Сердечный привет Корнею Ивановичу. Ваш В. Ж.

P. S.

Неизданных стихов я пока не посылаю, т<ак> к<ак> мне нужно их отобрать и переписать на машинке, что летом сделать трудно. Не собрал я и тех многочисленных вопросов, с которыми хотел бы к вам обратиться. Пока — только обозначил.

В «Списке утраченных произведений», составленном самой А.А., в тетради ее библиографии, стоит в начале этого списка: *Начало петербургской поэмы «В городе райского ключаря»* — по-видимому, ранний опыт А.А. в эпическом жанре. Знаете ли вы что-нибудь об этой поэме? Среди неизданных стихотворений я нашел одно, которое, по-видимому, имеет к этому какое-то отношение, со странным заглавием «Из прапоэмы» — отрывок, очевидно, записанный по памяти, поскольку он находится в одной из тетрадей 60-х годов. Послал Вам его к сведению.¹¹

В моем распоряжении имеется также редакция «Поэмы без героя» 1944 (Ташкентская), подписанная А.А. и когда-то подаренная мне В. Звезгинцевым.¹² Имеется и одна из промежуточных редакций — 1956 г. (от Гитович).¹³ С помощью этих всех и большого числа в разное время опубликованных отрывков из поэмы я в комментарии в краткой форме восстановил ее творческую историю.

В. Ж.

Драгунский корнет был первоначально «гусарский» (Князев¹⁴ был гусаром, а не драгуном), а также «дежурный».

¹ «Лермонтов» и «1001 ночь» — так Ахматова условно называла две тетрадки с рукописями своих стихов, находившихся в ее архиве. После ее смерти эти тетради были проданы в ЦГАЛИ (ныне РГАЛИ), где и находятся в настоящее время.

² Волкова Наталья Борисовна (род. 1924) — директор ЦГАЛИ/РГАЛИ с 1963 по 2001 год.

³ См. прим. 4 к п. 6.

⁴ См. прим. 6 к п. 6.

⁵ В издании «Библиотеки поэта» 1976 года, кроме традиционного раздела «Другие редакции и варианты», куда вошли и варианты «Поэмы без героя», в основной текст были включены «Дополнения. Строфы, не вошедшие в текст „Поэмы без героя“» (№ 649–655).

⁶ В издании 1976 года под № 649.

⁷ В издании 1976 года под № 650.

⁸ В издании 1976 года под № 655.

⁹ Генин Лазарь Ефимович (1923–1982) — филолог-германист, библиограф, сотрудник Публичной библиотеки.

¹⁰ VI Международный съезд славистов проходил 7–13 августа 1968 года.

¹¹ В издании 1976 года отрывок опубликован под № 628 в разделе «Эпические и драматические отрывки». В прим. Жирмунского к этому отрывку, в частности, сказано: «В „Списке утраченных произведений“ (ГПБ) упоминается „Начало Петербургской поэмы“. В *городе райского ключаря*. Райский ключарь — апостол Петр; город Петра — Петербург» (с. 504).

¹² Звегинцев Владимир Андреевич (1910–1988) — лингвист, доктор филологических наук, профессор, один из основателей отделения прикладной лингвистики в МГУ. В 1940-е годы работал в Ташкенте, в Среднеазиатском государственном университете. В Ташкенте встречался с Ахматовой. См. характеристику неавторизованного списка «Поэмы без героя» из собрания Звегинцева: Ахматова А. Поэма без Героя. Проза о Поэме. Наброски балетного либретто. Материалы к творческой истории / Изд. подг. Н. И. Крайневой. СПб., 2009. С. 33, 89–90.

¹³ Гитович Сильвия Соломоновна (1913–1974) — жена Александра Ильича Гитовича (1909–1966), поэта, переводчика китайской и корейской литературы. Близкая приятельница Ахматовой, оставившая воспоминания о ней.

¹⁴ Князев Всеволод Гаврилович (1891–1913) — гусарский корнет, поэт. Обстоятельства его самоубийства обыгрываются Ахматовой в «Поэме без героя».

8

Комарово, 19.VIII.<19>68

Дорогая Лидия Корнеевна!

Ваше письмо от 30.VII я получил только после возвращения с Международного славянского конгресса в Праге, куда я ездил вместе с Н<иной> Ал<ексан>дровн<ой>. О своих впечатлениях, очень насыщенных и полных самых добрых чувств к нашим радушным хозяевам, я расскажу Вам подробнее при встрече. Сейчас сообщу только одно: в рамках конгресса, но на особом вечернем заседании Литерат<урного> об<ществ>ва при Чешской Академии наук и Союза писателей Чехословакии я сделал доклад о новом подготовленном издании Стихотворений Анны Ахматовой, на котором собралось более 300 слушателей. Доклад читался мною по-русски (слависты всех стран должны понимать по-русски) и имел очень большой успех. Попутно я услышал о новых переводных изданиях АА, которые подготовлены или уже вышли в свет.

Очень важно для меня то, что Вы пишете о Вашем авторском списке Поэмы 1942 г. Я пользуюсь машинописной ташкентской редакцией 1944 г., в конце которой, однако, стоит: «Окончено 18 авг. 1942 г. в Ташкенте». Экземпляр подарен мне В. А. Звегинцевым, который бывал в Ташкенте у АА. Я печатаю этот список целиком в комментариях к Поэме¹ и сравниваю его с ред<акцией> 1962 г. (и частично с ред<акцией> 1956 г., которую получил от С. Гитович). Если бы Ваш список представлял существенные более ранние разночтения, было бы правильнее напечатать его (тем более что это автограф) либо сличить оба списка. Если Вы найдете это возможным, м<ожет> б<ыть>, Вы перепишите для меня Ваш экземпляр?

«Дежурный» корнет я понимаю, так же, как и Вы. Но «гусарский» он назывался потому, что В. Князев был *гусаром*, а не драгуном! М<ожет> б<ыть>, А<нна> Андр<еевна> сделала его в дальнейшем драгуном, чтобы избежать привычных ассоциаций со словом «гусар»?

Проездом через Москву я звонил Вам на пути туда, но не застал, т<ак> к<ак> мы решили, что не надо Вас беспокоить. На обратном пути я в Москве почти не останавливался и не мог позвонить. Не знаю главного — как Ваше здоровье? Как все Ваши друзья, я очень обеспокоен Вашей болезнью.

На пути туда (т. е. в Прагу) я имел возможность побывать в ЦГАЛИ, и Н. Б. Волкова показала мне *оба сборника*. Теперь я надеюсь еще раз приехать в Москву на неделю, с понедельника по пятницу 26–30 авг<уста>, чтобы поработать в ЦГАЛИ более основательно. «Лермонтов» производит впечатление расшитой тетради, и стихов там очень мало. Это вопрос, который придется доследовать (м<ожет> б<ыть>, с участием Наймана). Пока прошу Вас *никому не говорить о моем первом, м<ожет> б<ыть> неправильном впечатлении*. Гораздо больше стихов в «1001 ночи», и книги не повреждены и не изношены.

В «Лермонтове» много личных, «человеческих» признаний, гл<авным> образ<ом> в связи с Н<иколаем> С<тепановичем> Г<умилевым>. Может быть, это обстоятельство определило решение Ир<ины> Ник<олаевны>,² если искать в этом решении разумную основу? Политического там абсолютно ничего нет.

Кстати, имеется маленький отрывок из поэмы «В городе райского ключаря»:

Вольно я выбрала дивный град,
Жаркое сердце земных отрад.
И все мне казалось, что в раю
Я песню последнюю пою.³

(Из большой предвоенной поэмы)
(1917, по-видимому)

Видели ли Вы новую публикацию: Анна Ахматова «Из неопубликованного и забытого» А. Крюкова⁴ в воронежском журнале «Подъем», 1968, № 3?

Публикация эта содержит: (1–4)

1) Так просто можно жизнь покинуть эту. 1925

[Я всегда думал, что стих<отворение> это написано на смерть Есенина. В «Лермонтове» так и стоит: «Памяти Есенина»]

2) И неоплаканную тенью (четверостишие). Шереметьев<ский> сад. 20-е гг.⁵

3) Надпись к поэме. И ты ко мне вернулась знаменитой. 1943.⁶

4) Соседка из жалости — два квартала 15 августа 1940⁷

5) На руке его много блестящих колец. 1907 (первое стихотворение, нап<исанное> в Париж Гумилеву)⁸

6) Завещание. Моей наследницей полноправной будь. 1914 (не знаю!)

7) Тамаре Платоновне Карсавиной. Как песню, слагаешь ты легкий таец (1914)⁹

8) Надпись на книге. Из-под каких развалин говорю. 13 января 1959 г. (та же редакция, что была недавно опубликована, с «запутанным» стихом: «Я снова всё на свете раздарю»)¹⁰

Кроме того, в краткую вступительную заметку включено воронежское стихотворение Мандельштаму: И город весь стоит оледенелый (без последних стихов об «опальном поэте»).

А. Крюков напечатал уже один раз «На руке его много блестящих колец» в последнем Литературном сборнике Тартуского университета, и я едва удержал его через Лотмана от того, чтобы печатать это стихотворение в качестве «неизданного».¹¹ Мне думается, что он воспользовался материалами Публ<ичной> Библ<иотеки>, и я жалею, что добросовестность удержала меня до сих пор от публикации собранного и что все это идет в печать через случайные руки.

Хочу переписать Вам стихотворение «Завещание» (1914). По-моему, оно очень слабое, и я не уверен, что оно принадлежит АА.

В Москве я постараюсь с Вами увидеться и поговорить обо всем, если позволит Ваше здоровье. Очень хотел бы надеяться, что Вы поправились, а сейчас я тороплюсь к почте, поэтому письмо написано неаккуратно и непоследовательно.

Дружески Ваш

В. Жирмунский.

Завещание

Моей наследницею полноправной будь,
 Живи в моем доме, пой песнь, что я сложила
 Как медленно еще скудеет сила,
 Как хочет воздуха замученная грудь.
 Моих друзей любовь, врагов моих вражду,
 И розы желтые в моем густом саду,
 И нежность жгучую любовника — все это
 Я отдаю тебе, предвестница рассвета.
 И славу, то, зачем я родилась,
 Зачем моя звезда, как нежный вихрь, взвилась
 И падает теперь. Смотри, ее паденье
 Пророчит власть твою, любовь и вдохновенье.
 Мое наследство щедрое храня,
 Ты проживешь и долго, и достойно.
 Все это будет так. Ты видишь, я спокойна
 Счастливой будь, но помни про меня.¹²

1914 [неужели, это ААА?]

¹ В издании 1976 года упомянутая редакция «Поэмы без героя» помещена в разделе «Другие редакции и варианты» под заглавием «Поэма без героя. Ленинград — Ташкент. 1940–1942» (с. 431–442). В конце текста подписано: «1942. Ташкент (окончено 18 августа)».

² В письме от 16 февраля 1968 года (хранится в семейном архиве Жирмунских) говорится, что тетради «Лермонтов» и «1001 ночь» были засекречены при продаже их Пуниной Архиву ЦГАЛИ (чем Жирмунский был возмущен). Скорее всего, это решение Пуниной Жирмунский и имеет в виду и связывает с именем Гумилева, чего Пунина, видимо, не желала обнаружить.

³ В издании 1976 года под № 628 под заголовком «Из прапозмы» (с. 323).

⁴ Крюков Александр Самуилович (1940–2020) — филолог-классик, литературный критик, автор работ об Ахматовой; окончил в 1966 году классическое отделение филологического факультета Ленинградского государственного университета, впоследствии профессор Воронежского университета.

⁵ В издании 1976 г. под № 533 (с. 288) с подписью: «1920-е годы, Шереметевский сад».

⁶ В издании 1976 года под № 548 (с. 294) под заголовком «Надпись на поэме „Триптих“»; под текстом подписано: «6 января 1944. Ташкент».

⁷ В издании 1976 года под № 537.

⁸ Первое опубликованное стихотворение Ахматовой; впервые: Sirius (Париж). 1907. № 2. С. 8. Подпись: Анна Г. В издании 1976 года под № 485 (с. 269). См. прим. Жирмунского к этому стихотворению (с. 494).

⁹ В издании 1976 года под № 512.

¹⁰ В издании 1976 года под № 568. Стихотворению предпослан эпиграф из Ш. Руставели: «Что отдал — то твое. Шота Руставели».

¹¹ См.: Крюков А. О первых публикациях А. А. Ахматовой // Труды по русской и славянской филологии. XI. Литературоведение. Тарту, 1968. С. 295–296 (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та; вып. 209).

¹² Стихотворение не было включено в издание 1976 года, однако в позднейшие входило.

Комарово, 5.X.<19>68

Дорогая Лидия Корнеевна!

Вчера, отправляя Вам письмо, я очень спешил. Поэтому я не успел задать Вам несколько вопросов, которые присоединяю сейчас. У меня всегда при чтении стихов АА. возникают вопросы к Вам, но т<ак> к<ак> я вообще неаккуратен и память у меня плохая, я забываю их в момент, когда сажусь писать письмо. Постараюсь теперь кое-что вспомнить, хотя бы вразброд.

1) Я подал в переписку на машинке для работы Вашу фотокопию автографа «Поэмы», но т<ак> к<ак> первые листки не пронумерованы, нарушился порядок, который Вы легко можете восстановить по тетради, с которой копия снята. В каком порядке следуют друг за другом: титульный лист с эпиграфом из Ларошфуко; «Посвящение», заглавный лист первой части «Тринадцатый год» с эпиграфом из «Don Giovanni» и «Белой Стаи»; «Вступление» («Из года сорокового»); дальше начинается текст поэмы, обозначенный на фотокопии стр. 4 и 5. Иными словами: что стоит раньше: «Посвящение» или «Вступление», и как они расположены по отношению к заглавному листу первой части «1913»? У меня впечатление, что это менялось от редакции к редакции (отчасти в зависимости от числа посвящений).

Ваш автограф, кроме посвящения и вступления, насчитывает 348 ст<рок>, ташкентский список 1944 г., который я Вам послал, 378 ст<рок> (с одной строфой многоточий). Я еще раз их внимательно сличил, и мне кажется, что автограф, не содержащий никаких позднейших отступлений, в своей сжатости лучше всего передает исходный замысел.

2) Как Вы понимаете: «И цыганочка лижет кровь»?¹ Вместе с горбуном, бегущим по крыше, это как будто Квазимоде и Эсмеральда, но я не помню, чтобы у В. Гюго Эсмеральда «лизала кровь».

3) В ташкентских редакциях все-таки: «И гусарский корнет со стихами».² Князев действительно был *гусаром*, а не драгуном. В дальнейшем АА превратила его в «драгуна» — м<ожет> б<ыть>, для того, чтобы избежать некоторых специфических ассоциаций со словом «гусар» («гусарское» и т. п.).

4) Возвращаюсь еще раз к первому посвящению. В ташкентских редакциях (обеих) буквы В. К. отсутствуют, как и в редакции 1963 г. (в моем списке, например). Посвящение не может быть обращено к Князеву, т<ак> к<ак> АА не могла в 1940 г. писать на его черновике. Она, по-моему, и в 1913 г. не была с ним настолько близко знакома, чтобы хранить у себя его черновики. М<ожет> б<ыть>, это все-таки Мандельштам («черные ресницы Антиноя» — хотя кто-то недавно говорил, будто Кузмин где-то называет Князева Антиноем (?)). Маскировка? Содержание поэмы, несмотря на полные 4 части и эпиграфы из Князева, не требует и по существу посвящения его памяти — «Сплю — мне снится молодость наша» может относиться к Глебовой, к Манд<ельштаму>, к Н<иколаю> С<тепановичу> Г<умилеву>, но никак не к В. Кн<язе>ву (ср. «Окровавленной юности нашей»).

5) Хотя гадать о «прототипах» не обязательно, меня все-таки для себя, не для статей, волнует «полосатая верста». Слишком уже много места она занимает в перечислении масок и слишком контрастна по частностям, не «символична», чтобы сомневаться в наличии прототипа. Есть ряд признаков, указывающих на В<ладимира> К<азимировича> Ш<илейко>. Это прежде всего образы, связанные с древним семитическим востоком: Мамврийский дуб, вавилонский законодатель Хаммураби, библейские имена «пред Ковчегом завет». Далее — очень портретные черты: «Существо это странного нрава.

Он не ждет, чтоб подагра и слава Впопыхах усадили его *В юбилейные пышные кресла...*. В<ладимир> К<азимирович> был человек необыкновенных знаний и большого дарования, с течением времени завоевавший большую международную славу. Но он не укладывался в академические формы и презирал их. Еще будучи студентом, он насмерть поспорил со своим учителем акад. Коковцевым,³ знаменитым семитологом и, кажется, из-за этого даже не окончил Петерб<ургский> университет, а получил официальное признание уже в советское время, когда сняты были преграды дипломов, экзаменов и т. п. и был «открыт путь дарованиям». Не к этому ли относится: «Он не ждет, чтоб подагра и слава Впопыхах усадила его *В юбилейные пышные кресла...*»? Однако после цикла «Дурной сон»⁴ не хочется верить, что он продолжал играть в жизни АА. какую-то принципиально важную роль, а о нем как о поэте, мне кажется, не приходится говорить, несмотря на одобрительные оценки Н<иколая> С<тепановича> Г<умилева> и Лозинского.⁵

Некоторое дополнение по этому вопросу дает первая из двух не вошедших в поэму строф, которые я недавно выписал (вторая, недоработанная — о Жемчуговой). Посылаю Вам обе, первая очень интересна, но «доплясавший свое у ковчега» уводит мысль совершенно в сторону от В<ладимира> К<азимировича> Ш<илейко>.

6) Думаю в ближайшие дни начать писать свою статью... увы! все-таки с необходимой биографией. В связи с этим не можете ли вы сообщить мне, сколько у АА было братьев и сестер? Я считал, что две сестры (Инна и Ия, обе умерли в раннем возрасте, по-видимому, от туберкулеза) и два брата. Я встречал указание, что мать АА звали Инна. Но ведь Инна — «не редчайшее имя», скорее Ия («с редчайшим именем и белой ручкой»)⁶.

7) Не знаете ли Вы, кому было посвящено первое стихотворение ташкентского списка «Заснуть огорченной, проснуться влюбленной» («Луна в зените», 1), которое в «Нечете» 1946⁷ (я Вам только что выслал электрокопию, 41) и в издании Вл. Н. Орлова того же года имеет инициалами Г. Г., в дальнейшем сняты? Можно было бы подумать, что это опечатка в инициалах В. Г. Гаршина?⁸ В экземпляре Стих. 1961, подаренном И. Бродскому, вписано Г. К-ой. М<ожет> б<ыть>, это жена композитора А<лексея> К<озловского>, которому посвящено другое напечатанное стихотворение — «Явление луны»?⁹

Боюсь, что затрудняю Вас своими вопросами и догадками. Когда будет время и здоровье, напишите мне!

Дружески Ваш В. Жирмунский.

¹ См. в издании 1976 года редакцию «Поэмы без героя» 1940–1942 годов — Ч. 2. «Решка». Строфа 5 (с. 439).

² См.: Там же. С. 437 (ч. 1, гл. 3). В основном тексте стих «И гусарский корнет со стихами» заменен стихом «И драгунский корнет со стихами» (гл. 4, с. 368).

³ Коковцов Павел Константинович (1861–1942) — востоковед-семитолог, профессор Петербургского университета.

⁴ Цикл «Черный сон» из сб. «Anno Domini» в черновых автографах имеет заголовок «Дурной сон» и посвящен В. К. Шилейко, второму мужу Ахматовой. В издании 1976 года этот цикл помещен под № 246–251. См. прим. Жирмунского на с. 471–472.

⁵ В начале 1910-х годов В. К. Шилейко был тесно связан с кружком акмеистов «Цех поэтов» и близко дружил с Гумилевым и М. Лозинским. Гумилев в стихотворении «Восьмистишие» (1915), посвященном Шилейко, писал: «Высокое косноязычье / Тебе даруется, поэт». Тема «высокого косноязычья» вошла и в стихотворение Ахматовой «Косноязычно славивший меня» (1913), посвященное Шилейко.

⁶ Речь идет о комментариях к «Северным элегиям»; в издании 1976 года под № 634–639. Элегия первая («И женщина с прозрачными глазами <...> С редчайшим именем и белой ручкой...»). См. прим. Жирмунского на с. 507.

⁷ К 1946 году относятся два несостоявшихся издания Ахматовой. Тираж первого в 10000 экземпляров — «Стихотворения Анны Ахматовой. 1909–1945» (М.; Л.: Гослитиздат, 1946) был уничтожен. Второй — «Нечет. Седьмой сборник стихотворений Анны Ахматовой, 1936–1946» был сдан в 1946 году в издательство «Советский писатель», а 1952 году возвращен автору; сохранился у О. Ф. Берггольц и Г. П. Макогоненко (см. об этом сборнике: *Макогоненко Г.* О сборнике Анны Ахматовой «Нечет» // Вопросы литературы. 1986. № 2. С. 170–189). Опубликован в издании: *Ахматова А.* Собр. соч.: В 6 т. М., 2001. Т. 4. С. 233–304.

⁸ Гаршин Владимир Георгиевич (1887–1956) — врач-патологоанатом, профессор Первого медицинского института. После разрыва с Н. Н. Пуниным (1938) Ахматова сблизилась с Гаршиным, но заключить официальный брак не представлялось возможным: Гаршин не мог бросить больную жену. В сентябре 1941 года Ахматова эвакуировалась в Ташкент, а Гаршин оставался в осажденном Ленинграде. Между ними продолжалась переписка в течение всего пребывания Ахматовой в эвакуации. Однако по возвращении в Ленинград последовал разрыв. В связи с этим некоторые посвящения Ахматовой Гаршину в «Поэме без героя» были в дальнейшем ею удалены.

⁹ Козловский Алексей Федорович (1905–1977) — советский композитор, дирижер, педагог. С 1936 года до конца жизни жил в Ташкенте. Заслуженный деятель искусств Узбекской ССР. Писал музыку к «Поэме без героя» Ахматовой. Козловскому посвящено стихотворение Ахматовой «Явление луны» из цикла «Луна в зените». «Г. К-ая» — по-видимому, жена композитора Галина Лонгиновна Козловская (1906–1991).

10

Комарово, 10.III.<19>69.

Дорогая Лидия Корнеевна!

В последний день моего пребывания в Москве, 7.III, я сделал очень много находок в архиве, хотел позвонить Вам, но слишком устал после целого дня работы. Конечно, записанное мною — лишь малая часть всего наличного: стихотворений 20–30, мне неизвестных, я переписать не успел. Поэтому постараюсь, если будет возможно, приехать в Москву для работы на целую неделю, скорее всего — в понедельник 25 марта.

Посылаю вам то, о чем Вы просили: «В том доме...». Это стихотворение 1921 г., записанное по памяти в 60-х годах в явно неисправленном виде (по метрике). Возможно, что существуют более совершенные тексты.

От Н. Глен я получил обещанный список, очень полный, буду его «прорабатывать» на днях.

От Вас я хотел бы получить две последних части «Триптиха» в редакции для «Бега времени». У меня их нет.

Возвращаясь к нашему разговору, посылаю вам переписанную мною прозу для «Решки» 1962 г. (!) с рассказом (только намеком) о Параше Жемчуговой. Думаю, что этот материал, чрезвычайно интересный, подтверждает мою мысль, что нельзя в законченный (на данном этапе) текст вставлять отдельные, хотя бы очень интересные, дополнения. Их надо давать в примечаниях. Обратите внимание, что сама А.А. предназначала этот отрывок сперва для расширенной прозы «Решки», а затем для авторского примечания к словам *Белый Зал*. В таком виде это только материал для <нрзб.>, хотя и очень драгоценный.

Не знаю, известен ли вам почти записанный сценарий пантомимы (или балета) на тему «Поэмы» — в трех сценах, содержанием которого целиком является трагедия корнета? Сцена I — в спальне героини О. (ее *lavée* — говоря по-старинному); сцена II — в «Привале комедиантов» (в центре — юбилей Карсавиной); сцена III — корнет на Марсовом поле и самоубийство, как в поэме. К этому основному тексту были задуманы эпизоды: магические гадания

(с Калиостро, Фаустом и т. д.) и «лирическое отступление», в Суздале, в Успенском монастыре, с царицей Евдокией Лопухиной, проклинающей Петербург. Это очень интересно, хотя все-таки не закончено.¹

Неизданных стихотворений так много, что действительно возникает вопрос об отборе, чтобы не занимать законченное творчество А.А. тем, что она сама считала незаконченным, как это было сделано после смерти Лермонтова с потоком его неизданных (у Лермонтова преимущественно ранних) стихов.

Буду держать Вас в дальнейшем в курсе моих работ, а скорее всего, в недалеком будущем приеду в Москву.

Дружески Ваш

В. Жирмунский.

Р. С. Когда я увидел последний номер ленинградского «Дня поэзии», в котором А.А. представлена стихотворениями «Мужество»² (очевидно, за отсутствием других), я подумал, что, м<ожет> б<ыть>, мы делаем неправильно, что из-за процесса и т. п. перестали печатать ее неизданные стихи. Я не очень гонюсь за честью «первооткрывателя», но, м<ожет> б<ыть>, имело бы смысл нам с Вами вдвоем напечатать что-нибудь из собранного мною — напр., в «Новом мире» или в других местах. Меня подбивали на это разные люди, в частности, «деятели» из Публ<ичной> Библ<иотеки>, но я воздерживался, считая это в данной ситуации несвоевременным, а сейчас я думаю, что, м<ожет> б<ыть>, мы делаем ошибку, отказываясь идти навстречу читательскому интересу. Напишите мне, пожалуйста, Ваше мнение!

В. Ж.

(1921. Ц. С.)

В том доме было очень страшно жить,
И ни камина свет патриархальный,
Ни колыбелька ^{моего} нашего ребенка,
Ни то, что оба молодые мы были
И замыслов исполнены...
Не уменьшало это чувство страха.
И я над ним смеяться научилась
И оставляла капельку вина
И крошки хлеба для того, кто ночью
Собакою царапался у двери
Иль в низкое заглядывал окошко,
В то время как мы замолчав
Старались не видеть, что творится в зазеркалье,
Под чьими тяжеленными шагами
Стонали темной лестницы ступеньки,
Как о пощаде жалостно моля.
И говорил ты, странно улыбаясь:
«Кого „Они“ по лестнице несут?»
Теперь ты там, где знают всё,
Скажи: Что в этом доме жило кроме нас?

Из Ленинградской элегии [Записано после 1962 г.]³

II
Часть вторая.
Intermezzo
[Решка]

...жасминный куст
Где Данте шел и воздух пуст.

5 января 1941 г. Фонтанный Дом. Окно комнаты выходит в сад, который старше Петербурга, как видно по срезам дубов. При шведах здесь была мыза. Петр подарил это место Шереметеву за победы. Когда Параша Жемчугова мучилась в родах, здесь строили какие-то свадебные трибуны для предстоящих торжеств ее свадьбы. Параша, как известно, умерла в родах и состоялись совсем другие торжества. Рядом с комнатами автора знаменитый «белый зал» работы Кваренги, где когда-то за зеркалами прятался Павел I и подслушивал, что о нем говорят бальные гости Шереметевых. В этом зале пела Параша для Государя, и он пожаловал ей за ее пение какие-то несметные жемчуга. Автор прожил в этом Доме 35 лет и все про него знает. Он думает 5 янв. 41, что самое главное еще впереди. Посмотрим: ...

[Сбоку!] В примечание к слову —

Белый зал.

1962

¹ О задуманном Ахматовой сценарии для балета см. прим. к «Поэме без героя» в издании «Библиотеки поэта» (с. 519–521).

² Последний номер ленинградского «Дня поэзии» мог быть только за 1968 год. Публикации Ахматовой в этом номере действительно представлены в разделе «Наши публикации», но не стихотворением «Мужество», а одиннадцатью стихотворениями: «Приходи на меня посмотреть...», 1912; «Ничего не скажу, ничего не открою...», 1913; «Я видел поле после града...», 1913; «Последнее письмо», 1913; «И жар по вечерам и утром вялость...», 1913; «Тамаре Карсавиной», 1914; «Я любимого нигде не встретила...», 1914; «Белая ночь», 1914; «Вечерний звон у стен монастыря...», 1914; «Цветы, холодные от рос...», 1914; «Вечер тот казни достоин...», 1922 (День поэзии 1968. Ленинград. Л., 1968. С. 179–183). В кратком послесловии В. Н. Орлова сказано, что ни одно из них не входило в сборники Ахматовой, а все они взяты из различных публикаций.

³ Стихотворение включено с незначительными изменениями в цикл «Северные элегии». В издании «Библиотеки поэта» 1976 года помещено в раздел «Дополнения» (с. 333–334). В дальнейших изданиях включена в основной текст «Северных элегий», как «Третья».

11

Комарово, 24.VI.<19>69.

Дорогая Лидия Корнеевна!

Посылаю Вам вместе с этим письмом подборку из «Юности» № 6.¹ Стихов много, они разного качества, но лучшие, т. е. более трудные, вообще проходят с трудом. Моя племянница, поэтесса Тамара Жирмунская,² помогла мне организовать это выступление вовремя и получила фотографию от Н. А. Ольшевской.³

Подборка в «Новом мире» появится очень скоро — в № 5 (май).⁴ Журнал постигла очередная цензурная катастрофа, и они, не спросив меня предварительно, заменили новую поэму А. Т. Твардовского⁵ стихами АА. Моя статья

последует в № 6 (июнь),⁶ если что-нибудь за это время не приключится. На счет «гармонии» и эвакуации через Урал я всё исправил, спасибо, что обратили мое внимание на эти недоразумения. Остальное, по-моему, не столь существенно и частично будет исправлено в большой статье для «Собрания стихотворений». Отсутствие цитаты из Мандельштама меня не беспокоит: ведь я пришел к этой мысли не «читая Мандельштама», а читая Ахматову. Вообще статья Манд<ельштама>⁷ поразила меня, когда я прочитал ее, целым десятком совпадений с моими собственными мыслями и впечатлениями. Думаю, что это хорошо.

Еще одна подборка будет в «Звезде» № 8 (август),⁸ но тоже — максимальное «невинные». Всё сколько-нибудь трудное, вежливо отклонили. АА. была права, когда писала в своем дневнике (она писала о зарубежной критике): «они насильно загоняют меня в 10-ые годы!»

Вчера (23.VI) и сегодня (24.VI) я был на кладбище.⁹ Вчера не было *никого*, кроме обычных случайных посетителей, и на могиле были только посаженные на ней маргаритки и анютины глазки. Сегодня, часов в 12, у ворот моей дачи остановился небольшой автобус, из которого вышел М. Л. Слонимский,¹⁰ явившийся приглашать меня на могилу, чтобы возложить «венок» от писателей из Дома творчества. С ним было несколько человек из писательской публики, кажется, там же Гранин. Я, к сожалению, не мог сопровождать их, т<ак> к<ак> у меня был врач. Когда я потом отправился туда с женой, оказалось, что за сегодняшний день в небольшом количестве появились свои цветы, а писательский «венок» обернулся пучком гладиолусов.

Неделю тому назад я позвонил Гранину, чтобы напомнить о дате и о необходимости устроить памятный вечер.¹¹ Я вообще мало связан с Союзом писателей и не знал, замышляют ли они что-нибудь. Оказалось, что уже поздно, да и время вообще позднее, и Гранин сказал, что придется отложить собрание в Союзе до начала осени. Однако сегодня (24.VI) в «Ленинградской правде» (м<ожет> б<ыть>, в результате этого напоминания, а м<ожет> б<ыть>, по самостоятельной инициативе) появилась небольшая, но очень тонко написанная статья М. Дудина «Для славы мертвых нет (к 80-летию со дня рождения А. А. Ахматовой)».¹² Между прочим, Дудин в ней рассказывает, что «у вечного огня на памятнике погибшим за освобождение Крыма» над Ялтинской бухтой, в гранит врезаны слова: «Для славы мертвых нет». Я этого не знал.

Я получил Ваше гневное письмо по поводу вечера памяти АА. в «Литературном музее». Мне звонили дней 10–12 тому назад, и я дал согласие выступить, не спросив о созыве участников. (И это несмотря на то, что одновременно отказался по болезни поехать в Москву на весьма ответственное академическое совещание). Позднее москвичи сказали мне, что «Литер<атурный> музей» — довольно хилое учреждение, но это меня не смущало. Конечно, обязанность почтить АА. в день ее 80-летия лежала прежде всего на Союзе писателей, но Союз от этой обязанности уклонился, а мы не имели возможности или энергии ему об этом напомнить. Я ценю «Литер<атурный> музей» за проявленную инициативу: в сущности, и Дом *Маяковского* не имел никакого отношения к 75-летию *Ахматовой*, кроме энтузиазма некоторых женщин, поклонниц ее стихов, которые там работали. По-моему, такой энтузиазм заслуживает поощрения.

В том, что Сурков, как Вы пишете, будет председателем, я не вижу ничего предосудительного: он редактор стихов АА, председатель комиссии по наследию, всегда любил ее поэзию и уважал ее лично. Об Ардове широкой публике неизвестно, что он «лжесвидетель»: все считают, что в доме этого человека АА. жила в Москве много лет подряд. Выступление Шкловского неожиданно и парадоксально. Но тем не менее я не считал бы себя вправе (если бы знал об

этом что-нибудь до Вашего письма) заявить устроителям: с Сурковым, Ардовым или Шкловским я выступать не желаю. Если эти люди (в отличие от других — от официальных руководителей нашей «литературной общественности») хотят почтить память АА, я не стал бы им препятствовать в этом, даже если я должен согласиться с Вами, что не все они для этого приспособлены.

Очень тревожит меня в настоящее время вопрос с изданием Собрания стихотворений, и, хотя В. Н. Орлов настроен оптимистически, я скорее думаю, что оно увидит свет (говоря Вашими словами) к 100-летию, т. е. когда меня уже не будет в живых. Поэтому меня особенно интересует вопрос о двухтомнике Гослитиздата, поставленном в ред<акционный> план 1970 г.¹³ Кто подготовил для него стихи? Мне очень хотелось бы, чтобы Н. Н. Глен об этом спросила. Если они просто собираются перепечатать то, что издано в «Бегах времени», то это можно без труда напечатать и внутренними силами Гослита, «домашним» способом. Но если они замышляют представить стихи, хотя бы только *печатавшиеся ранее*, с известной полнотой, по старым сборникам АА и по журнальным публикациям, пусть даже с некоторыми сокращениями, тогда не имеет смысла кустарными средствами повторять уже проделанную мною очень трудоемкую текстологическую работу и лучше использовать ее результаты — разумеется, с участием составителя и с разрешения «Библиотеки поэта». Может быть, в современных условиях это был бы единственный способ дать читателю хотя бы ранее уже издававшиеся стихотворения Ахматовой (поскольку издание Лениздата отложено, по-видимому, надолго!)

Дата рождения АА. продолжает оставаться для меня загадкой. В «Новом мире» мне исправили 24 на 23, ссылаясь на авторитет Краткой Литэнциклопедии. Я согласился, следуя Вашему авторитету. Но ленинградские писатели отметили 24.VI — а родственники ... не знаю, что они отметили вообще.¹⁴

«Победа» Ирины Ник<олаевны> меня удивила и возмутила.¹⁵ Но я не думаю, что они будут иметь право запрещать или разрешать печатание стихов, использование уже проданными рукописями. Это право, как мне думается, при всех условиях остается за наследниками.

Крюков ко мне тоже пристаёт, и я ему тоже не доверяю. В нем нет бескорыстия — он «промышляет» своими публикациями — не в смысле денег, а в смысле «славы».

Простите, что написал так много.

Дружески Ваш

В. Жирмунский.

¹ К 80-летию со дня рождения Ахматовой в журнале «Юность» была опубликована подборка ее стихов (23 стихотворения) со вступительной статьей Жирмунского. См.: Ахматова А. Из литературного наследия (Неопубликованные стихи разных лет) / Вступ. статья В. Жирмунского // Юность. 1969. № 6. С. 65–67.

² Жирмунская Тамара Александровна (род. 1936) — поэтесса, переводчица, литературный критик, литературовед. Племянница В. М. Жирмунского, ее отец — Александр Владимирович Жирмунский (1891–1963), юрист, приходился двоюродным братом В. М. Жирмунскому. Родилась и проживала до 1999 года в Москве. С 1999 года проживает в Мюнхене.

³ Ольшевская Нина Антоновна (1908–1991) — театральная актриса. Жена Виктора Ардова, мать актеров Алексея Баталова и Бориса Ардова и писателя Михаила Ардова. Входила в ближайшее окружение Ахматовой. В квартире Ардовых на Большой Ордынке Ахматова часто останавливалась во время своих приездов в Москву.

⁴ См.: Ахматова А. Стихи разных лет / Публ. акад. В. Жирмунского // Новый мир. 1969. № 5. С. 53–58.

⁵ Имеется в виду поэма Твардовского «По праву памяти», полностью была опубликована в СССР посмертно, в 1987 году (Знамя. 1987. № 2; Новый мир. 1987. № 3).

⁶ См.: Жирмунский В. О творчестве Анны Ахматовой (к восьмидесятилетию со дня рождения) // Новый мир. 1969. № 6. С. 240–251.

⁷ Речь идет о статье О. Мандельштама «Письмо о русской поэзии» (1922), которое цитирует Жирмунский в статье об Ахматовой (см.: Новый мир. 1969. № 6. С. 242).

⁸ См.: Из неизданного Анны Ахматовой / Вступ. статья В. Жирмунского // Звезда. 1969. № 8. С. 163–164. В подборку включены стихотворения: «То ли я с тобой осталась...»; «И ты мне все простишь...»; «Если ты смерть — отчего же ты плачешь сама...»; Из ташкентской тетради; «Волк любит жить на воле...»; «Мы не встречаться больше научились...»; «А я иду, где ничего не надо...».

⁹ Ахматова родилась 11 июня (по старому стилю) 1889 года. При переводе даты рождения на григорианский календарь в XX веке добавляли 13 дней, в XIX веке — 12 дней. Поэтому для лиц, родившихся в XIX веке, но живших в XX веке, часто возникала путаница, сколько дней прибавлять при переводе — 12 или 13. В настоящее время днем рождения А. Ахматовой по современному календарю считается 23 июня. В 1969 году отмечалось 80-летие Ахматовой.

¹⁰ Слонимский Михаил Леонидович (1897–1972) — прозаик и мемуарист.

¹¹ См. прим. 7 к п. 6.

¹² Дудин М. Для славы мертвых нет. К 80-летию со дня рождения А. Ахматовой // Ленинградская правда. 1969. 24 июня.

¹³ Избранные произведения Ахматовой в этом издательстве (к тому времени оно называлось «Художественная литература») были опубликованы в 1974 году. См.: Ахматова А. А. Избранное / [Сост. и послесловие Н. Банникова]. М., 1974.

¹⁴ См. прим. 9 наст. письма.

¹⁵ См. подробнее во вступ. статье.

12

Комарово, 9.XI.<19>69

Дорогая Лидия Корнеевна!

Я узнал о смерти Корнея Ивановича в день своего отъезда из Москвы.¹ Это обстоятельство лишило меня возможности присутствовать на его похоронах.

Я знаю, что для близких не может служить утешением сознание, что родной им человек скончался в таком возрасте, что сумел совершить все отпущенное на его долю. Да и я сам, как и многие другие, знавшие Корнея Ивановича на протяжении многих лет, не могу утешить себя этим рассуждением. Кажется, что в лесу упал огромный дуб и привычное место его осталось и долго еще останется пустым. Это и есть «вечная память», о которой говорится в молитве.

О себе я пока не буду вам писать ничего — скажу только, что в Узком я не поправился, как хотел, и не знаю, сумею ли скоро приступить к работе. По-видимому, это — возраст, т. е. необратимое. Когда захотите и сумеете, напишите мне о своем здоровье, которое меня беспокоит, и мы возобновим переписку.

Сердечно преданный Вам

В. Жирмунский.

¹ Корней Иванович Чуковский скончался в Москве 28 октября 1969 года.

13

Ленинград, 27 февраля 1970
Академическая больница

Дорогая Лидия Корнеевна!

Давно не писал Вам и не получал от Вас писем. Дело в том, что я уже 3 недели нахожусь в больнице — в результате случайного отравления (сосиска-

ми!) у меня сделалось острое воспаление желчного пузыря (холецистит). Мне грозила даже операция, но все обошлось, и я, вероятно, на днях вернулся бы домой, если бы не другое бедствие: дома у нас все больны гриппом и боятся меня заразить.

Перед самой болезнью я собирался написать Вам насчет Копелева. Его заявку, как я и думал, редакция отклонила.¹ Для этого, к сожалению, были объективные основания, о которых я Вам, кажется, писал при первом с ней ознакомлении: это — книга о Гете, его мировоззрении и взглядах на искусство, в которой текст Гете занимает примерно 16 л. и столько же — различные комментарии к нему Копелева. В серии «Литерат<урные> памятники» такие книги не печатаются: это — издание классических текстов мировой литературы с кратким к ним комментарием. Тогда же (было это очень давно) я писал Вам, что Копелеву нужно было подать другую заявку, соответствующую профилю серии. Но в Ак<адемии> наук обсуждение всех заявок проходит так медленно, договоры так неохотно заключают даже при положительном решении, а авансов по ним не выплачивают никогда, — что практического значения для жизни человека это иметь не может. Нужно искать других путей!

В самом начале нового года, после длительного полунездорья в 1969 г., я вдруг почувствовал себя выздоровевшим и полным прежних сил. За месяц я написал большую статью на тему «Анна Ахматова и Александр Блок» (около 2 лл.!), которая должна была сопровождать публикацию двух неизд<анных> стихотворений АА., посвященных Блоку. Темой статьи являются невидимые творческие нити, связывающие стихи АА. с поэзией Блока — несмотря на их видимую полярность; в связи с этим — особенно много о «Поэме без героя» и о Блоке, как об одном из ее героев. За долгое время в первый раз я был доволен своей статьей и послал ее в «Новый мир» по предварительной договоренности с Твардовским... буквально накануне своей болезни и «переворота». Не знаю, что может статься с ней теперь.² Боюсь, как всегда, за неизданные стихи, которые могут начать гулять по городу и дальше. Среди них «De profundis... Мое поколение»,³ которое я сопоставляю в статье со ст<ихотворением> Блока «Рожденные в года глухие» (тема «потерянного поколения»). Что происходит в «Новом мире», я совершенно не знаю. Не знаю даже, ушел ли Твардовский со своего поста. Если Вам это известно достоверно, пожалуйста — сообщите мне об этом поскорее.

Надеюсь, что здоровье Ваше удовлетворительно. Часто думаю о Вас и желаю Вам всего хорошего.

Дружески Ваш

В. Жирмунский

PS. Писать мне можно по городскому адресу.

¹ Копелев Лев Зиновьевич (1912–1997) — литературовед (германист), критик, публицист; диссидент и эмигрант «третьей волны». Скончался в Кельне. Речь идет о заявке Копелева в редакцию «Литературных памятников» 1969 года на перевод записок Гете «Tag- und Jahreshefte». Об этой заявке Жирмунский пишет Чуковской подробнее в письме от 2 декабря 1969 года.

² Статья Жирмунского «Анна Ахматова и Александр Блок», написанная в начале 1970 года, была отдана для публикации в «Новый мир» по согласованию с редакцией журнала. Но 9 февраля главный редактор журнала А. Т. Твардовский вынужден был уйти со своего поста после увольнения большей части редакции. В связи с неопределенностью ситуации Жирмунский забрал рукопись из «Нового мира» и отдал ее для публикации в «Русскую литературу», где она и была напечатана.

³ Стихотворение Ахматовой «De profundis... Мое поколение...» было процитировано Жирмунским в статье по автографу. Оно не было к тому времени напечатано, т. е. не проходило

цензуру. Но поскольку статья была напечатана в советском издании, то это облегчало дальнейшие публикации стихотворения.

14

Комарово, 28.V.<19>70

Дорогая Лидия Корнеевна!

Я очень давно не имел от вас никаких известий. Надеюсь, это не означает, что Вы нездоровы. Не получал и продолжения Ваших воспоминаний об Анне Андреевне.¹

Чувствую я себя лучше, чем раньше, хотя очень страдаю от суровой диеты после холецистита. Статью мою «Анна Ахматова и Александр Блок» я взял из Н<ового> М<ира>, после того как в течение трех месяцев не получил от них никаких известий. Отдали довольно легко: даже так, что Озерова, старый секретарь редакции, позвонила, в ответ на мое письмо, по телефону, и сказала Н<ине> А<лександровне?>, будто новая редакция так занята, что «нескоро сумеет прочитать статью» (!). М<ожет> б<ыть>, это была вежливая форма отказа? Во всяком случае, я сразу же передал свою работу в журнал Пушкинского Дома «Русская литература», чтобы ее вставили в уже подготовленный № 3 — так что она выйдет в свет уже в сентябре.²

Огласил статью публично на собрании в Лен<инградском> Отдел<ении> Союза писателей. Пришло очень много народа (чего я не ожидал), Белый зал был переполнен. Говорят, что все было очень хорошо.³

Закончил я и вступительную статью к «Собранию стихотворений», хотя по своему объему (7 листов вм<есто> 3-ех) она должна быть в половину сокращена.⁴ В сущности, можно теперь сказать, что все готово и даже переписано, кроме очень мелкой редакционной правки, но у меня нет никакой уверенности в реальных перспективах этого дела. Кроме того, уже из предварительных переговоров стало ясным: 1) необходимость напечатать элегии с пропусками в ч. III; 2) невозможность опубликовать «Реквием»; 3) невозможность включения в текст целого ряда неизданных стихотворений. Все это не радует и не вызывает желания сдавать текст в изд<ательст>во для «макетирования» (изготовления мумии).

Положение в «Библиотеке» такое. В. Н. Орлов не то остался, не то уходит⁵ (у него нашли опять «грубую ошибку» в редактировании — в сборнике стихов о Ленине!⁶) — собрание Мандельштама и Сборник «Поэзии начала XX века» выключены из плана.⁷ При таких обстоятельствах я не разделяю оптимистической уверенности В<ладимира> Н<иколаевича>, что Ахматовой все это не касается — ведь коснулось же в Лениздате!⁸ Во всяком случае, если даже я сдам рукопись к осени, речь может идти только о выпуске 1972 г.

При таких условиях я все более склоняюсь к мысли, что надо сперва выпустить «облегченный» сборник в Гослитиздате. Он все еще стоит в ред<акционном> плане 1970 г., но никто им не занимается, хотя меня как будто считают редактором.⁹ Надо дать читателю сборник, несколько больший, чем «Бег времени», не «мудрствуя лукаво». Если мне удастся приехать в Москву в начале июня (скорее всего, числа 9–10 июня), я постараюсь зайти в Гослитиздат. Но с кем там говорить в настоящее время? С и. о. Пузиковым?¹⁰

Письмо, которое я получил от Ники Глен, тоже подтверждает неопределенность положения.

В своем издании я более всего горжусь примечаниями, содержащими полную сводку вариантов, и разделом «стихов, не входящих в сборники» —

около 160 №№ (частью несобранные, частью неизданные, частью посмертно изданные). Вместе со старым, первоначальным составом сборников — это все-таки большое, существенное дополнение к репертуару собрания в «Бегах времени».

Шлю вам сердечный привет и пожелание здоровья и всего хорошего!

Дружески Ваш

В. Жирмунский.

Р. S. Как-то раз я спросил у Вас, известно ли Вам что-нибудь о дружбе Вс. Князева с М. А. Кузминым. Вопрос этот возник в связи с каким-то сообщением, которое делалось, как мне передавали, одним молодым почитателем «серебряного века» на конференции в Тарту.¹¹ После вашего отрицательного ответа я занялся самостоятельными разысканиями. Оказывается, М. А. Кузмин посвятил Князеву целый цикл стихотворений с эпиграфом из стихов Князева: «Тобой целованные руки Сожгу, захочешь, на огне». У Князева имеется несколько стихотворений, посвященных М. А. Кузмину. Все это относится к 1912 г.! Смутный намек на какие-то отношения между Кузминым и Князевым имеется в черновиках к балетному сценарию Анны Андреевны. После сцены ревности «у Коломбины» «хриплый и учтивый» пытается утешить драгуна, соблазняя «чем-то темным». Он уводит его к себе на «башню» (Кузмин в то время жил на «башне» у Вяч. Иванова). «Хриплый и учтивый» — это Кузмин. В «Поэме» это тот, о котором говорится: «Перед ним самый смрадный грешник воплощенная благодать». В последнем (лучшем) сборнике Кузмина «Форель разбивает лед» (1929) среди призраков, встающих из прошлого, рядом с Сапуновым («художник утонувший») упоминается В. Князев:

За ним гусарский мальчик
С простреленным виском...

(они указывают на очень близкие отношения).

На подробностях я не останавливаюсь, вероятно — все это более важно для биографических «разысканий», чем для «Поэмы». Но вот что интересно. Автор сообщения утверждал, как мне передавали, что в сборнике «Форель разбивает лед» имеется прототип «ахматовской строфы». По-видимому, речь идет о стихотворении «Второй удар»:

Кони бьются, храпят в испуге,
Синей лентой обвиты дуги,
Волки, снег, бубенцы, пальба!
Что до *страшной*, как *ночь*, *расплаты*?
Разве дрогнут твои *Карпаты*?
В старом роге застынет мед?

Вообще строфа типа аас | bbc (у Кузмина с — с не рифмуется) существовала и до Ахматовой, и до Кузмина, даже в средние века (*Stabat mater dolorosa*...); это еще не «ахматовская строфа». Но есть некоторое сходство общего колорита.

¹ Первая публикация воспоминаний Л. К. Чуковской об Ахматовой появилась только к 100-летию Ахматовой в 1989 году в журнале «Нева». См.: *Чуковская Л. К. Записки об Анне Ахматовой // Нева. 1989. № 6. С. 3–74; № 7. С. 99–153. Жирмунский читал «Записки» Л. К. Чуковской в машинописном списке, полученном от автора.*

² См. прим. 2 к п. 13. Публикацию статьи см.: *Жирмунский В. М. Анна Ахматова и Александр Блок // Русская литература. 1970. № 3. С. 57–82.*

³ Доклад состоялся в мае 1970 года в Ленинградском Доме писателя им. В. В. Маяковского.

⁴ Статья Жирмунского была посмертно опубликована как самостоятельная книга. См.: *Жирмунский В. М. Творчество Анны Ахматовой / Подг. Н. А. Жирмунской. Л., 1973.*

⁵ В. Н. Орлов был освобожден от должности главного редактора «Библиотеки поэта» в 1970 году.

⁶ Имеется в виду издание: Ленин в советской поэзии / Вступ. статья С. В. Владимирова; сост., подг. текстов и прим. Р. Б. Вальбе, Р. А. Щацевой и Л. С. Шепелевой. Л., 1970 (Библиотека поэта. Большая сер.).

⁷ Издание Мандельштама было выпущено позже: *Мандельштам О. Э. Стихотворения / Вступ. статья А. Л. Дымшица; сост., подг. текста и прим. Н. И. Харджиева. Л., 1973 (Библиотека поэта. Большая сер.).* Второй сборник, о котором говорится в письме — планировавшийся в «Малой серии» и подготовленный В. Н. Орловым, где должны были быть помещены избранные стихотворения М. А. Волошина, Н. С. Гумилева, М. А. Кузмина, О. Э. Мандельштама, В. Ф. Ходасевича и др., не был опубликован. См. вступительную статью к нему: *Орлов В. На рубеже двух эпох (Из истории русской поэзии начала нашего века) // Вопросы литературы. 1966. № 10. С. 111–143.*

⁸ Речь идет об отклоненной в Лениздате публикации стихов Ахматовой, подготовленных Л. К. Чуковской. См. прим. 2 к п. 4. Публикация в этом издательстве состоялась спустя много лет и без участия Л. К. Чуковской. См.: *Ахматова А. А. Стихи и проза / [Предисловие Д. Хренкова; прим. Э. Г. Герштейн]. Л., 1976.*

⁹ См. прим. 13 к п. 11.

¹⁰ Пузиков Александр Иванович (1911–1996) — литературовед, главный редактор Гослитиздата (с 1963 года — «Художественная литература»).

¹¹ Имеется в виду доклад Р. Д. Тименчика на студенческой конференции в Тарту в апреле 1970 года. Опубликован под заглавием «К анализу „Поэмы без героя“. 2» (Материалы XXV научной студенческой конференции: Литературоведение. Лингвистика. Тарту, 1970. С. 42–45).

15

Воскресение, 27.XII.<19>70

Дорогая Лидия Корнеевна!

Пишу Вам из академич<еской> больницы, куда меня уложили по разным моим болезням, обострившимся в связи с неосторожными поездками в Москву и публичными выступлениями там. В больнице я проведу, увы! Новый год, если здоровье позволит, надеюсь в середине января приехать с Нинной Ал<ексан>дровной в Узкое.

Сердечно поздравляю Вас с наступающим Новым годом и желаю здоровья и обычной бодрости духа.

Работа моя над Стихотворениями Ахматовой была прервана болезнью, но еще больше — отсутствием ясной перспективы вообще и в частности руководства в издательстве (после ухода В. Н. Орлова). По-моему, спешить некуда.

Ваши книги я оставил на даче в шкафу — до моего возвращения в Комарово или приезда к Вам в Москву. Прочсть их, к сожалению, не успел, т<ак> к<ак> забыл сразу же после возвращения из Москвы.

Больше писать мне трудно, напишу, как только начну поправляться.

Преданный Вам

В. Жирмунский.